

U $\frac{318}{1110}$

318
4/170

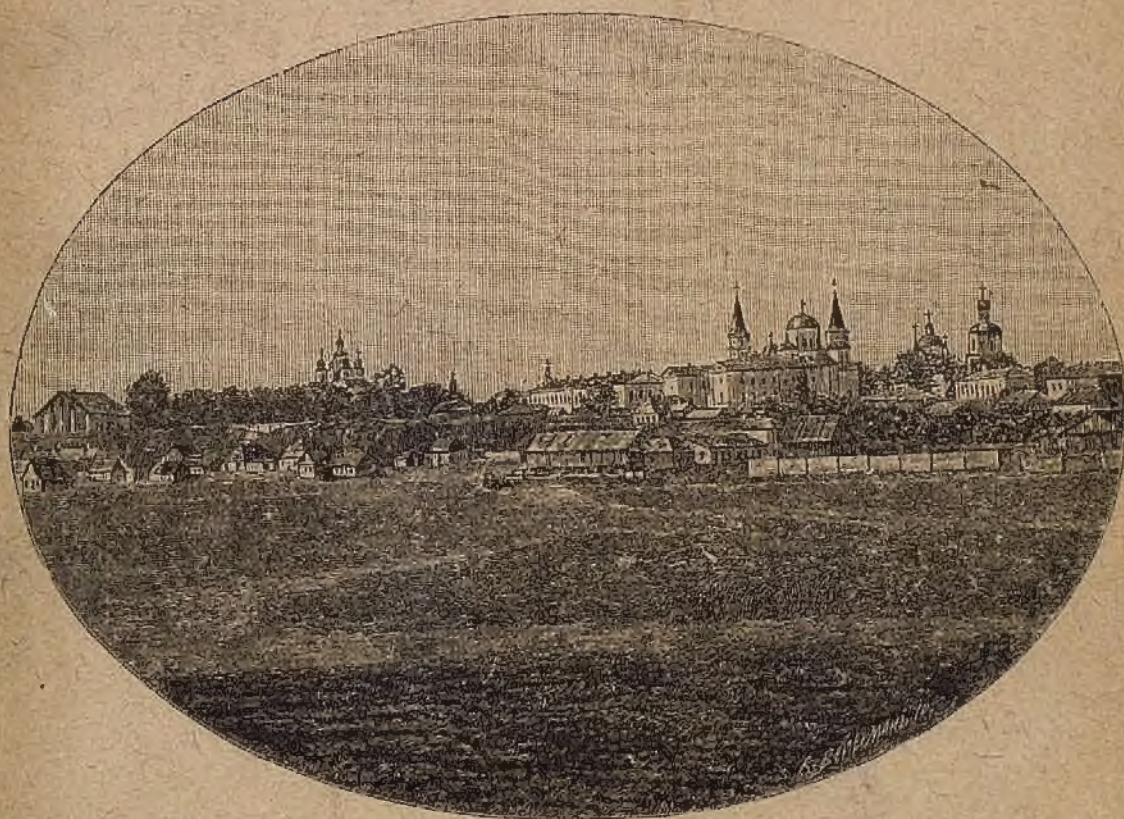
III 58.

БЛАЖЕННЫЙ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЪ,

КНЯЗЬ НОВГОРОДСЬВЕРСКИЙ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КІЕВСКИЙ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

М. Н. Березикова.

Видъ г. Чернигова со Спаскимъ соборомъ.

ЧЕРНИГОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1893.

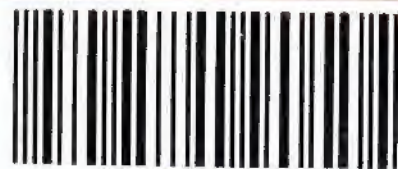
4062

22

Бм

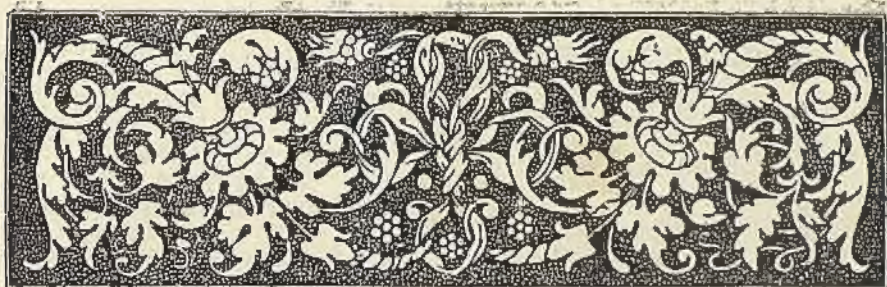
2797

Печ. дозв.: 1893 г. 16 августа Г. Черниговъ. Цензоръ, инспекторъ классовъ и законо-
учитель епархіального женскаго училища, священникъ *Аванасій Тунатилсез*.

2007059066

Роману Федоровичу Гранду - товарищеская память.
8 февраля 1894. Н. Шмидт.

БЛАЖЕННЫЙ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЪ,

КНЯЗЬ НОВГОРОДСЬВЕРСКІЙ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ.

I.

Назадъ тому пять лѣтъ вся Россія праздновала свой великій праздникъ: тогда исполнилось ровно девять вѣковъ со времени крещенія святаго князя Владиміра и его стольнаго города Кіева. У всѣхъ у насъ свѣжа память этого свѣтлаго общенароднаго празднества, этихъ торжественныхъ богослуженій въ храмахъ, съ теплыми молебствіями къ равноапостольному Просвѣтителю Россіи, этихъ многолюдныхъ крестныхъ ходовъ къ рѣкамъ и озерамъ, на колодези и источники водные. При видѣ этихъ ходовъ, воображенію невольно рисовалась картина крещенія кіевлянъ; мысль обращалась къ далекому прошедшему, *туда*, на дивныя горы кіевскія, да къ широкому Днѣпру, послужившему купелью Руси въ тотъ свѣтлый кіевскій день, „когда была великая радость на небеси и на земли“, по выраженію прендобнаго лѣтописца. О славный день, о чудесное зрѣлище! Благодареніе Господу, что и насъ Опъ сподобилъ на юбилейномъ торжествѣ великаго событія ощутить долю той же радости духовной, какой исполнилъ былъ равноапостольный Владиміръ и первые христіане кіевскіе.

63348-45

За общерусскимъ празднествомъ, какъ продолженіе его, идутъ мѣстныя: волынское, а нынѣ черниговское празднество. Въ 992 году, отъ великаго князя св. Владиміра и отъ кіевскаго митрополита Леонта въ Черниговъ былъ посланъ свой епископъ, именемъ Неофитъ: такъ было положено начало черниговской епископїи и утвержденію христіанства въ обширныхъ тогда предѣлахъ ея. Теперь, слѣдовательно, минуло девять вѣковъ бытія Черниговской епархіи. Теперь съ благодарною молитвой къ Богу она воспоминаетъ своихъ благовѣрныхъ князей, блаженныхъ епископовъ и всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, духовныхъ и мірянъ, которые потрудились для святаго христіанскаго дѣла въ краѣ. Да будетъ всѣмъ имъ вѣчная память; намъ же да послужитъ ихъ жизнь назидательнымъ примѣромъ!

Въ честь блаженнаго князя Игоря Ольговича предложимъ рассказъ о его жизни и страдальческой кончинѣ. Онъ былъ изъ рода черниговскихъ князей, имѣлъ свою волость въ черниговской землѣ, именно Новгородъ сѣверскій, а пострадалъ въ Кіевѣ послѣ очень короткаго княженія въ немъ, и уже бывши въ санѣ инока. Изъ Кіева останки пренедобно-мученика князя были перенесены въ родной Черниговъ; здѣсь, со времени перенесенія ихъ, память князя Игоря читается, какъ святаго угодника Божія; и въ нашей епархіи, и въ другихъ епархіяхъ южной Россіи имя св. князя Игоря возносится въ молитвахъ на ряду съ именами святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, сыновей св. Владиміра.

Нашъ краткій рассказъ о блаженномъ Игорѣ Ольговичѣ будетъ изложенъ по старымъ лѣтописямъ, да по житіямъ его, да еще по немногимъ источникамъ, на которыя будемъ указывать въ примѣчаніяхъ, слѣдующихъ за рассказомъ, съ приведеніемъ небольшихъ выписокъ изъ источниковъ.

II.

Князь Игорь Ольговичъ жилъ и дѣйствовалъ въ первой половинѣ XII вѣка. Онъ былъ потомкомъ Рюрика въ восьмомъ колѣнѣ, праправнукомъ св. Владиміра, правнукомъ Ярослава Мудраго и внукомъ Святослава Ярославича, родоначальника всѣхъ Черниговскихъ князей.

Родители его были Олегъ Святославичъ, князь Черниговскій, позже Новгородсѣверскій, и супруга его, урожденная княжна половецкая, во святомъ крещеніи Теофанія (1).

Игорь—это было княжеское мірское имя его; при святомъ же крещеніи онъ получилъ имя Георгія. Съ этимъ послѣднимъ онъ значится въ черниговскихъ синодикахъ; южнорусская лѣтопись также свидѣтельствуетъ, что въ одномъ черниговскомъ селѣ, принадлежавшемъ Игорю Ольговичу, была церковь во имя святаго Георгія: очень вѣроятно, что эта церковь была построена имъ самимъ въ честь своего ангела (2).

Воспитанный родителями въ христіанскомъ законѣ молодой княжичъ былъ своевременно обученъ грамотѣ, по княжескому обычаю. Большинство князей того времени, не рѣдко также княгини и княжны, были грамотными; многіе сами занимались списываніемъ книгъ; иные успѣвали списать ихъ и собрать въ очень значительномъ количествѣ: такъ, напримѣръ, Ярославъ Мудрый, по свидѣтельству начальной кіевской лѣтописи, собралъ многихъ писцовъ и много книгъ, самъ лично занимался перепискою ихъ, и всѣ собранныя книги сложилъ при Софійскомъ кіевскомъ храмѣ, на пользованіе духовенству и кіевскимъ жителямъ: это была древнѣйшая общественная библіотека въ стольномъ городѣ русскомъ. Его сынъ Святославъ, князь черниговскій, послѣ великій князь кіевскій, дѣдъ нашего блаженнаго князя, былъ также большимъ

любителемъ и собирателемъ книгъ: это доказываютъ два большіе сборника, для него составленные и посвященныя его имя (Святославовы „Изборники“); одинъ изъ ихъ переписчиковъ, увлеченный личностью князя, любителя книгъ, называетъ его даже новымъ „Птоломеемъ“. Да и всѣ вообще потомки Ярослава Мудраго унаслѣдовали его благородную любовь къ книжному чтенію; оттого князья были просвѣщеннѣйшими людьми своего вѣка, на ряду съ епископами, иноками и священниками, боярами и дьяками. Съ самой свѣжей любовью, да съ вѣрой въ спасительность для души читались тогда книги, то есть прежде всего священныя книги. „Великая польза бываетъ человѣку отъ книжнаго ученія, разсуждаетъ преподобный кіевскій лѣтописецъ: ибо книгами мы наставляемъ на путь покаянія, обрѣтаемъ въ нихъ мудрость и воздержаніе; онѣ какъ рѣки, напаяющія вселенную; въ нихъ неисчетная глубина, ими мы утѣшаемся въ печали, онѣ суть узда воздержанія; если прилежно будемъ искать въ нихъ мудрости, то найдемъ ее и получимъ пользу душѣ своей“. Тотъ же преподобный лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ своего превосходнаго труда слѣдующимъ образомъ говоритъ о постепенномъ умноженіи христіанскаго книжнаго просвѣщенія въ Руси. „Подобно тому, какъ кто нибудь распашетъ землю, другой же засѣетъ ее, а прочіе пожинаютъ и вкушаютъ пищу не скудную, было такъ и у насъ: Владиміръ, отецъ Ярослава, всахалъ и умягчилъ землю, то есть просвѣтилъ ее крещеніемъ; Ярославъ насѣялъ сердца вѣрныхъ людей книжными словесами, а мы уже пожинаемъ плоды книжнаго ученія“ (3). Такъ думалъ кіевскій лѣтописецъ, преподобный Несторъ, и многіе его современники, просвѣщенные христіане русскіе, новые люди, возрожденные Христовымъ ученіемъ.

Князь Игорь Ольговичъ принадлежалъ къ поколѣнію именно этихъ просвѣщенныхъ христіанъ; этихъ новыхъ людей, пожинав-

шихъ плоды книжнаго христіанскаго ученія, посѣяннаго Ярославомъ на приготовленной отъ св. Владиміра почвѣ.

О любви Игоря Ольговича къ книгамъ и къ церкви, объ его характерѣ также и наружности драгоцѣнныя черты сохранилъ для насъ одинъ современный ему лѣтописецъ, — не преподобный Несторъ, выше упомянутый, а нѣкто другой, по имени не извѣстный, по видимому, житель Владиміра Волынскаго, близко знакомый съ нашимъ княземъ, но не вполне къ нему расположенный. Вотъ что онъ пишетъ про него: „сей князь Игорь Ольговичъ былъ мужъ храбрый и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей и птицъ; былъ читатель книгъ и въ цѣни церковномъ ученіи: мнѣ часто случалось вмѣстѣ съ нимъ бѣть въ церкви, когда онъ былъ во Владимірѣ. Ростомъ онъ былъ средній, сухощавъ, лицомъ смугль; волосы сверхъ обычая (т. е. княжескаго обычая) носилъ длинные, какъ священникъ, бороду же имѣлъ не большую, узкую“. Таково изображеніе характера и наружности благовѣрнаго князя, сообщаемое намъ отъ его современника, знакомаго съ нимъ! Не скроемъ здѣсь и не благопріятнаго отзыва объ Игорѣ Ольговичѣ того же лѣтописца. Онъ говоритъ про князя, будто онъ „мало почиталъ священническій чинъ и не хранилъ постовъ, за что мало былъ любимъ у народа. Егда же въ монастырѣ былъ подѣ стражею, тогда прилежно уставы иноческіе хранилъ, но притворно ли себя показуя, или совершенно въ покаяніе пришелъ, сего не вѣмъ, но Богъ паче вѣсти совѣсти челоуѣкъ“ (4). Сколько здѣсь прямой правды, мы конечно не знаемъ. Одно твердо знаемъ: Единъ Богъ безъ грѣха; людямъ же свойственно ошибаться и грѣшить, — говоримъ это также съ увѣренностью какъ про блаженнаго князя, такъ и про лѣтописца, о немъ судящаго; какъ разъ возможно, что послѣдній преувеличиваетъ недостатки князя Игоря Ольговича или по недоразумѣнію, или просто по личному нерасполо-

женію къ нему и къ его братьямъ Ольговичамъ. Тѣмъ дороже, тѣмъ достовѣрнѣе для насъ положительныя добрыя черты въ характерѣ благовѣрнаго князя; его любовь къ чтенію книгъ и къ церковному пѣнію, его личная храбрость, во многихъ случаяхъ дѣйствительно имъ оказанная на войнѣ. Вполнѣ вѣримъ и тому, что онъ былъ любителемъ охоты; въ тотъ вѣкъ охота на звѣрей и птицъ составляла любимое благородное развлеченіе князей и обычный прибыльный промыселъ всего населенія, благо что было много лѣсовъ, полныхъ всякаго звѣря и птицы; въ частности черниговскій край тогда былъ гораздо больше лѣсистымъ, чѣмъ теперь; въ черниговскихъ пущахъ тогда водились кромѣ обыкновенныхъ звѣрей еще туры и олени: было чѣмъ развлечься храбрымъ охотникамъ князьямъ!

Извѣстно по лѣтописи, что князь Игорь Ольговичъ былъ женатъ; но кто была его супруга,—русская ли княжна, или крещеная княжна половецкая, какъ была его мать, или какъ еще невѣстка его, первая супруга младшаго брата его, Святослава Ольговича, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Равнымъ образомъ нѣтъ надежныхъ свѣдѣній о его дѣтихъ (5).

III.

Время, когда князь Игорь Ольговичъ выступилъ на поле дѣятельности, было не спокойное. Многочисленные потомки св. Владиміра много спорили между собой о томъ, кому владѣть Кіевомъ, старшимъ городомъ земли Русской. Справедливымъ казалось, чтобы старшій князь въ цѣломъ княжескомъ родѣ былъ государемъ и самаго старшаго города земли. Да и на самомъ дѣлѣ обыкновенно бывало, что по смерти одного великаго князя мѣсто его въ Кіевѣ занималъ слѣдующій за нимъ по старшинству князь, переходившій въ Кіевъ изъ Чернигова, или изъ Переяславля, или изъ Смоленска,

или изъ иного города. Жаль только, что не всегда точно соблюдался этотъ порядокъ. Не разъ случалось, что какой нибудь молодой да храбрый князь пачнегъ споръ за Кіевъ съ княземъ старше себя, но не столь храбрымъ и дѣятельнымъ, одолѣетъ его и сядетъ на княженъе въ Кіевѣ. Иной великій князь готовъ былъ передать свою власть сыну, либо брату, не справляясь, какой князь въ другихъ семействахъ есть старшій въ цѣломъ княжескомъ родѣ, и не совѣтуясь съ другими князьями, болѣе дальними родственниками. Кіевляне, то есть мѣстные бояре и дружина, городскіе и земскіе жители, соглашались переходить по наслѣдству къ дѣтямъ великаго князя, если этотъ князь и его дѣти нравились имъ; въ противномъ случаѣ тѣ же кіевляне громко говорили: „мы не хотимъ переходить, какъ будто по наслѣдству“. Такъ было въ Кіевѣ на старшемъ столѣ русскомъ. Въ княжествахъ Черниговскомъ, Смоленскомъ и прочихъ областныхъ княжествахъ было такъ же: и тамъ желали установить такой порядокъ владѣнія, чтобы старшій изъ мѣстныхъ князей получалъ и старшую, лучшую волость, то есть напримѣръ Черниговъ въ княжествѣ черниговскомъ; князь помоложе долженъ былъ получить и городъ по меньше, напр. Новгородъ Сѣверскій, или Путивль и проч. Но и въ областныхъ княжествахъ нерѣдко случалось, что младшіе братья не слушались старшихъ, племянники дядей, и насильно отнимали у нихъ волости. Бывало и такъ, что старшіе обидятъ младшихъ, дадутъ имъ слишкомъ малыя волости, или никакой не дадутъ: тогда обиженные возьмутся за оружіе, скажутъ старшимъ: „тенеѣ насъ Богъ разсудитъ съ вами“.

Къ этому прибавимъ, что въ княжескія дѣла постоянно входили совѣтники князей, ихъ бояре и дружина. Конечно, бывали добрые совѣтники, внушавшіе своимъ князьямъ миръ, умѣренность, справедливость, но бывали и не добрые, которые только ссорили

своихъ государей. Жители большихъ городовъ, какъ Кіева и Новгорода, также позволяли себѣ вмѣшиваться въ княжескія отношенія, стали договариваться съ князьями, на какихъ условіяхъ имъ владѣть, какимъ порядкомъ производить судъ, какія судебныя пошлины и доходы получать и т. п. При этомъ кіевляне всегда высказываютъ свою любовь къ князьямъ Мономахова рода, призываютъ ихъ къ себѣ княжить и всячески поддерживаютъ, готовы переходить подъ ихъ власть по порядку наслѣдства отъ отца къ сыну. Иное дѣло—князья Черниговскіе: къ нимъ кіевляне очень не расположены, не охотно принимаютъ ихъ къ себѣ на княженіе, если кто нибудь изъ нихъ по родовому старѣйшинству имѣлъ право княжить въ Кіевѣ.

Замѣтимъ себѣ лучше это обстоятельство для исторіи блаженнаго князя Игоря Ольговича: въ Кіевѣ охотно встрѣчаютъ князей Мономаховичей, и сильно не расположены къ черниговскимъ Ольговичамъ.

Накопецъ во внутренія междукняжескія дѣла вмѣшивались сосѣди Русской земли: полики, угры, и особенно же половцы, кочевавшіе въ степи на украинѣ. Ихъ призывали иногда сами князья другъ противъ друга; чаще степняки отъ себя дѣлали набѣги на Русь, пользуясь княжескими распрями, жгли селенія, грабили скотъ и небогатое имущество сельчанъ, забирали въ плѣнъ ихъ самихъ,—и все это безнаказанно дѣлали до тѣхъ поръ, пока князья не помирятся между собой, и сообща не прогонятъ степныхъ разбойниковъ.

Таково было время, когда жилъ и дѣйствовалъ князь Игорь Ольговичъ! Тогда желали устроить порядокъ и внутренній миръ, но далеко не всегда въ томъ успѣвали: порядокъ слагался медленно, постепенно. Нужны были большія усилія, тяжелыя жертвованія, да историческія внѣшнія испытанія, чтобы могъ выра-

ботаться прочный внутренній порядокъ и прочная государственная власть. До этого было пока еще далеко въ XII вѣкѣ.

IV.

Скажемъ объ отцѣ и братьяхъ Игоря Ольговича и объ отношеніяхъ межъ братьями.

Отецъ его Олегъ Святославичъ—личность очень замѣтная среди князей того времени: мужественный, воинственный и суровый, онъ памятенъ своей превратной судьбой и частымъ нарушеніемъ внутренняго мира земли. Долгое время онъ домогался черниговскаго княжества, котораго не давали ему дяди, Ярославичи, и двоюродный братъ, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ: не разъ Олегъ брался за оружіе, но терпѣлъ неудачи на войнѣ, напримѣръ пораженіе на Нежатиной нивѣ (6); скитался то въ отдаленной Тмутро-кани, то въ предѣлахъ Греціи; воротясь въ Русь, онъ снова взялся за оружіе, неоднократно приводилъ половцевъ на черниговское княжество, въ качествѣ своихъ союзниковъ, причемъ позволялъ имъ грабежи и плѣненія. Олега очень строго осуждали за союзъ съ Половцами; про него говорили, что онъ „мечемъ ковалъ крамолу“; его прозвали вмѣсто Святославича „Гориславичемъ“, т. е. княземъ несчастливой, печальной памяти. Но справедливость требуетъ сказать, что Олегъ не безъ права домогался черниговскаго княжества: въ свое время въ Черниговѣ сидѣлъ его отецъ, значить Олегъ домогался вотчины. И онъ наконецъ достигъ своей цѣли, изгнавъ силой изъ Чернигова Владиміра Мономаха, и самъ сѣвъ на его мѣсто; но сидѣлъ на немъ не долго, вынужденный уступить его старшему брату, Давыду Святославичу. Въ 1097 году старшіе русскіе князья собрались на съѣздъ въ городъ Любечъ, на родину преподобнаго Антонія, старинный черниговскій городъ. „Зачѣмъ мы—говорили здѣсь

князя -- губимъ русскую землю, враждуя другъ съ другомъ? Зачѣмъ даемъ грабить ее Половцамъ? Будемъ отнынѣ единодушны, будемъ сообщъ соблюдать землю, и пусть каждый князь довольствуется своей вотчиной". Такъ разсудили князя и поцѣловали крестъ другъ другу на томъ, что каждый будетъ доволенъ своей вотчиной: Давыду Святославичу данъ Черниговъ, а Олегу—Новгородъ-Сѣверскій. Съ тѣхъ поръ Олегъ Святославичъ жилъ спокойнѣе, а въ послѣдній годъ жизни, вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ и съ другими родственными князьями, праздновалъ общерусскій праздникъ,—братскій праздникъ мира и любви. Именно въ 1115 году, мая 1 дня, въ Вышгородѣ что подъ Кіевомъ, была освящена новая каменная церковь во имя св. князей—братьевъ Бориса и Глѣба; назавтра 2 мая въ эту новую церковь были перенесены мощи св. мучениковъ изъ прежней деревянной церкви въ томъ же Вышгородѣ. На торжествѣ перенесенія Мономахъ и Олегъ слегка поспорили вотъ по какому поводу: великій князь, Владиміръ Мономахъ, желалъ, чтобы мощи св. братьевъ были поставлены среди храма подъ особый серебряный навѣсъ („теремъ"), который имѣлъ быть выстроеннымъ на счетъ великаго князя; Олегъ же Святославичъ съ братомъ Давыдомъ желали поставить гробницы мучениковъ у правой стѣны храма, въ особомъ углубленіи („комарѣ"), въ томъ мѣстѣ, которое было намѣчено еще отцомъ ихъ, Святославомъ Ярославичемъ. (7). Но само собою разумѣется, что долго разногласить о такомъ дѣлѣ не приходилось: неприлично, неумѣстно было бы это въ торжественный праздникъ, у гробовъ св. мучениковъ; да и самый-то споръ Мономаха и Олега происходилъ собственно отъ великаго усердія ихъ обоихъ къ памяти св. мучениковъ князей: такой споръ не трудно было уладить. Митрополитъ и епископы, бывшіе на торжествѣ, предложили князьямъ рѣшить разногласіе жребіемъ, какъ особымъ видомъ суда

Божія. Положили два жеребья на престолѣ въ алтарѣ, Мономахъ и Олеговъ; вынулся жеребій Олега,—и тогда гробницы мучениковъ были поставлены въ стѣнномъ углубленіи церкви. Послѣ церковной службы слѣдовало богатое угощеніе отъ князей духовенству, боярамъ и всѣмъ людямъ: праздновали весело три дня, послѣ чего князья разѣхались въ полномъ согласіи и любви. Впослѣдствіи Владиміръ Мономахъ оковалъ гробницы св. Бориса и Глѣба золотомъ да серебромъ, равно и стѣнныя своды, подъ коими онѣ стояли. Такъ усердно чтили русскіе князья святыхъ братьевъ—мучениковъ! У ихъ гробницъ они сами живѣе чувствовали братскую любовь.

Вскорѣ послѣ вышгородскаго праздника скончался Олегъ Святославичъ (1 авг. 1115 г.), и погребенъ въ Черниговѣ, въ Спасскомъ соборѣ.

Его старшимъ сыномъ былъ Всеволодъ, среднимъ Игорь, нашъ блаженный князь, а младшимъ—Святославъ. Отъ этихъ сыновей Олега всѣ потомки ихъ, да и всѣ вообще черниговскіе князья стали называться Ольговичами. Будучи вотчинниками роднаго княжества черниговскаго, они не отказывались и отъ владѣнія Кіевомъ, когда находили, что кто нибудь изъ нихъ по родовому старшинству имѣетъ на то право: „вѣдь мы одяго отца дѣти“, говаривали Ольговичи Мономаховичамъ, то есть имѣемъ-де общаго родоначальника съ вами. Да и Днѣпръ не такая граница, чтобы рѣзко раздѣлять черниговскую область и кіевскую: на дѣлѣ выходило, что Днѣпръ скорѣе сближаетъ Черниговъ съ Кіевомъ, чѣмъ раздѣляетъ; къ Кіеву течетъ и главная рѣка черниговской области Десна, впадающая въ Днѣпръ подъ самымъ Кіевомъ.

Всеволодъ Ольговичъ, старшій изъ братьевъ, былъ князь предприимчивый, ловкій и изворотливый, но притомъ не искренній,

непрямой человѣкъ. Онъ насильственно завладѣлъ Черниговомъ, изгнавъ оттуда дядю Ярослава Святославича, умертвивъ вѣрныхъ бояръ его и пограбя ихъ дома; не довольствуясь этимъ владѣніемъ, онъ хотѣлъ получить себѣ еще Кіевъ, и дѣйствительно получилъ его, изгнавъ оттуда опять также силой Мономахова сына Вячеслава. При этомъ случаѣ Всеволодъ обѣщалъ брату Игорю Ольговичу посадить его въ Черниговѣ на все мѣсто, но не сдержалъ слова, посадилъ въ немъ двоюроднаго брата, Владиміра Давыдовича. Вотъ первая обида князю Игорю отъ роднаго брата, отъ великаго князя кіевскаго! Дѣлалъ это Всеволодъ Ольговичъ въ своихъ особыхъ видахъ: хотѣлъ ссорить родныхъ братьевъ съ двоюродными, чтобы себѣ самому извлекать выгоды изъ ихъ пеладовъ. Въ то же время великій князь, враждуя съ одними Мономаховичами, заискивалъ у другихъ, именно у Изяслава Мстиславича, внука Мономахова, князя весьма храбраго, предприимчиваго и во всѣхъ отношеніяхъ даровитаго, который при томъ же былъ родной братъ супруги Всеволода. Онъ дѣйствительно приобрѣлъ на свою сторону Изяслава Мстиславича: зять и шуринъ жили по большей части въ ладахъ; Изяславъ и княжескій свой столъ имѣлъ не подалеку отъ Кіева, именно въ Переяславлѣ. Союзъ сильнѣйшаго Ольговича и даровитѣйшаго Мономаховича былъ благотворенъ для общаго земскаго мира и выгоденъ лично для нихъ.

За то родные братья великаго князя, Игорь и Святославъ Ольговичи не были имъ довольны; они чувствовали себя обиженными тѣмъ, что не получили отъ него ни Чернигова, ни Переяславля, тѣмъ, что лучшія волости вокругъ Кіева онъ предоставлялъ своему сыну да женинымъ роднымъ. Братья говорили съ неудовольствіемъ про великаго князя, роднаго старшаго брата: „нашъ братъ великій князь имѣетъ любовь со Мстиславичами, со

своими шурьями, а съ нашими врагами, посажалъ ихъ вокругъ себя на безголовье памъ, да и себѣ на безмѣстѣ“. Пробовали они насильно отнять въ свою пользу Переяславль, неоднократно нападали на городъ и волость переяславскую, но не имѣли успѣха, только разсердили своего брата и его шуряна; подѣ копецъ младшіе Ольговичи должны были не-хотя остаться при тѣхъ мало значительныхъ волостяхъ, которыя, въ прибавку къ ихъ кореннымъ вотчинамъ были предоставлены имъ отъ великаго князя (8).

Между собою Игорь и Святославъ Ольговичи жили всегда въ наилучшихъ, истинно братскихъ отношеніяхъ: взаимная любовь и общая обида отъ старшаго брата все больше сближали ихъ; единственнымъ другомъ, всегда вѣрнымъ и неизмѣняемымъ для Игоря Ольговича только и былъ, что младшій его братъ, Святославъ. Впрочемъ и къ старшему брату, къ великому князю, Игорь Ольговичъ остался въ отношеніяхъ обычно почтительныхъ, почти всегда ходилъ въ его волѣ, успѣшно дѣлалъ по его приказанію далекіе воинскіе походы, какъ-то: въ Галицкую землю и въ Польшу. Съ своей стороны великій князь пожелалъ наконецъ оказать Игорю Ольговичу нѣкоторое расположеніе: онъ обѣщалъ ему передать свою великокняжескую власть въ Кіевѣ; онъ дѣйствительно объявилъ свою волю насчетъ паслѣдованія великокняжескаго стола князьямъ и кіевлянамъ, а послѣднихъ заставилъ дать присягу въ томъ, что по кончинѣ его они признаютъ брата его, Игоря, въ достоинствѣ великаго князя (9).

Но одно дѣло—обѣщать, а другое—вѣрно обезпечить исполненіе обѣщанія. Положимъ, великій князь Всеволодъ Ольговичъ обѣщалъ: но искренно ли согласились князья и кіевляне на признаніе Игоря великимъ княземъ? Исполнять ли они на самомъ дѣлѣ волю великаго князя прежняго и вновь назначаемаго? Сдер-

жаты ли даже присягу свою кїевляне? Вотъ вопросы, которые естественно возникали для Игоря Ольговича и брата его Святослава, для ихъ дружины и для немногихъ искреннихъ приверженцевъ Ольговичей въ Кїевѣ.

Событія не замедлили дать отвѣтъ на сомнительные вопросы. Оказалось, что искренняго согласія на распоряженіе Всеволода Ольговича не было ни у князей, ни у кїевлянъ; оказалось, что одной воли великаго князя было еще недостаточно для того, чтобы она сбылась на самомъ дѣлѣ. Желанія князей Ольговичей вовсе не исполнились; дѣло кончилось полнымъ несчастіемъ для Игоря Ольговича.

Глядя на все это дѣло издалека, по завершеніи событій, и вспоминая печальную судьбу блаженнаго Игоря въ Кїевѣ, новольно скажешь теперь: „лучше было бы ему не вступать въ этотъ шумный Кїевъ, на эту скользкую дорогу добыванія великокняжескаго стола: вѣдь ему приходилось именно „добывать“ его съ усиліями, а не то, чтобы спокойно наследовать“. Такъ думается по человѣчески, да послѣ уже совершенія всѣхъ событій. Но Промыслъ Божій судилъ иную дорогу, иную послѣднюю цѣль для князя Игоря Ольговича.

V.

Великій князь Всеволодъ Ольговичъ, послѣ семилѣтняго княженія въ Кїевѣ, скончался 1 августа 1146 года въ Вышгородѣ, гдѣ и погребенъ въ церкви св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Вслѣдъ за тѣмъ князь Игорь Ольговичъ, отдавъ послѣдній христіанскій долгъ почившему брату, вступилъ на другой же день послѣ кончины Всеволода въ Кїевъ, вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ и съ дружиной. Новый великій князь начинаетъ дѣйствовать безъ промедленія, рѣшительно: онъ оцѣняется на выра-

женную волю покойнаго брата и на данную кїевлянами присягу; его дѣло было правое.

Прежде всего великій князь созвалъ лучшихъ кїевскихъ людей на вѣче, на Ярославовъ дворъ, и потребовалъ отъ нихъ новой присяги на вѣрность себѣ, что и было исполнено призванными лучшими людьми Кіева. Не много времени спустя, въ тотъ же самый день стало собираться другое вѣче въ шюмъ во обычюмъ мѣстѣ, у такъ называемой Туровой божницы, на этотъ разъ по собственной волѣ вѣчниковъ: такое вѣче было уже не правильное, незаконное. Собравшіеся люди послали сказать великому князю, чтобы онъ прїѣхалъ къ нимъ на вѣче. Игорь Ольговичъ не отказался выслушать желанія и этого новаго вѣча кїевлянъ; онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ къ вѣчу вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ; не много не доѣзжая до Туровой божницы, великій князь остановился, нашелъ приличіе выслать для переговоровъ съ участниками вѣча своего брата, а самъ сталъ дожидаться его возвращенія.

Когда Святославъ Ольговичъ подѣхалъ къ вѣчу и спросилъ, чего тамъ желаютъ, то получилъ въ отвѣтъ жалобу на несправедливыхъ тіуновъ покойнаго великаго князя и требованіе смѣстить ихъ съ должности тіупекой: „Ратша разорилъ поборами весь Кіевъ, а Тудоръ разорилъ Вышгородъ, такъ говорили кїевляне; цѣлуй намъ крестъ, княже Святославе, за великаго князя и за себя, что вы сами будете давать управу и судъ въ нашихъ обидахъ“. Князь отвѣчалъ: „цѣлую крестъ и за брата моего, что никакой обиды на судъ вамъ не будетъ; тіунъ будетъ вамъ поставленъ иной“ (10).

Съ этими словами Святославъ Ольговичъ сошелъ съ коня и поцѣловалъ крестъ; въ свою очередь кїевляне также сходили съ коней и цѣловали крестъ на томъ, что всѣ они и съ дѣтьми

будутъ вѣрны великому князю Игорю и брату его: „теперь вы—наши князья“, говорили они, по видимому, съ удовольствіемъ Святославу. Послѣ крестоцѣлованія младшій князь съ нѣсколькими представителями вѣча подѣхалъ къ великому князю и сказалъ: „брате! я цѣловалъ къ нимъ крестъ на томъ, что тебѣ судить ихъ по правдѣ, да любить ихъ“. Въ отвѣтъ великій князь крестнымъ же цѣлованіемъ подтвердилъ всѣ обѣщанія брата, и вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ обѣдать: была уже пора пообѣдать послѣ всѣхъ этихъ переговоровъ на двукратномъ вѣчѣ.

Казалось, кіевляне теперь должны были спокоинными: новый великій князь торжественно обѣщалъ исполнить ихъ желанія, „цѣловалъ крестъ на всей волѣ ихъ“, говоря по тогдашнему. Однако кіевскіе вѣчники не успокоились; они не удовольствовались уступками, имъ сдѣланными отъ великаго князя; они захотѣли сами управиться съ ненавистнымъ тиуномъ Ратшей, тотчасъ же съ вѣча устремились къ его двору, разграбили его, затѣмъ пограбили дворы другихъ княжихъ людей, имъ непріятныхъ („мечниковъ“, младшихъ членовъ княжеской дружины): это былъ уже мятежный самосудъ толпы! Великій князь выслалъ брата съ дружиной,—и тотъ съ трудомъ укротилъ своевольную толпу вѣчниковъ (11).

Такъ прошелъ первый день княженія въ Кіевѣ великаго князя Игоря Ольговича! Начало непріятное, но обѣщавшее много добраго. Великій князь былъ оскорбленъ; можетъ быть онъ выразилъ угрозу наказать зачинщиковъ мятежа; вѣрно то, что новые судьи, имъ поставленные, были непріятны кіевскому народу, казались ему не лучше прежнихъ: тогда кіевляне, сочтя великаго князя нарушившимъ свое обѣщаніе, немедленно послали въ Переяславль къ Мономахову внуку, Изяславу Мстиславичу, приглашеніе занять великокняжескій столъ въ Кіевѣ.

Народная толпа легкомысленна и переменчива: сегодня цѣлуетъ крестъ, завтра по малому неудовольствію готова забыть присягу. Болѣе удивительно, что даже бояре кіевскіе не стѣснялись присягой вѣрности, не разъ данною Игорю Ольговичу: или они считали ее данною по неволѣ? Напрасно великій князь оказывалъ имъ все знаки расположенія, обладеживалъ ихъ той же мпlostью, какой они пользовались отъ покойнаго великаго князя; онъ призвалъ знатнѣйшихъ бояръ Улѣба и Ивана Влітишича и сказалъ имъ: „какъ вы были у брата моего, такъ будете и у меня“; Улѣбу же прибавилъ: „держи тысячу, какъ у брата моего держалъ“, — все было напрасно: бояре на словахъ обѣщали вѣрность, а на дѣлѣ свослихъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ, настраивали жителей Кіева и всехъ городовъ кіевскихъ въ пользу Изяслава, противъ Игоря. Мѣтотписецъ прямо называетъ кіевскихъ бояръ зачинщиками всему злу (12).

Изѣва созрѣвала вокругъ великаго князя; онъ догадывался о ней, но не зналъ вѣхъ ея размѣровъ. Онъ обратился къ князьямъ другихъ городовъ: въ первый же день вокняженія въ Кіевѣ онъ отправилъ посла къ Изяславу Мстиславичу съ увѣдомленіемъ о кончинѣ брата, о своемъ вокняженіи, съ вопросомъ: „стоишь ли ты въ крестномъ цѣлованіи“? Изяславъ не далъ отвѣта и задержалъ посла. Великій князь обратился къ двоюроднымъ братьямъ, Владиміру и Изяславу Давыдовичамъ, князьямъ черниговскимъ: „стоите ли, братья, въ крестномъ цѣлованіи“? Тѣ стали приращивать новыхъ волостей, стали торговаться съ великимъ княземъ: онъ на все соглашался; тогда Давыдовичи еще разъ цѣловали крестъ Игорю Ольговичу на томъ, что признаютъ его въ достоинствѣ великаго князя, и будутъ помогать ему войскомъ. Съ своей стороны черниговскій владыка Онуфрій объявилъ пресвитерамъ, чтобы они внушали всемъ людямъ о святости присяги, о тяж-

комъ грѣхѣ нарушенія ся: “аще кто сего крестнаго цѣлованія сосгунитъ, да будетъ проклятъ Господскимъ 12 праздникомъ”, — такъ выражаетъ тогдашняя лѣтопись клятву черниговскаго владыки (13). Оказалось однако, что на Черниговскихъ князей и населеніе нельзя было надѣяться: Давыдовичи были князья очень своекорыстные и не твердые въ словѣ. Игорю Ольговичу оставалась одна твердая надежда, поглѣ Господа Бога, это — надежда на брата Святослава Ольговича; съ нимъ онъ рѣшилъ защищать свою правду съ оружіемъ въ рукахъ; у нихъ была собственная дружина; они притомъ имѣли нѣкоторую надежду на помощь кievскихъ бояръ: нѣкоторые изъ нихъ, правда не многіе, были преданы Ольговичамъ; изъ приличія, да изъ благородной гордости Игорь Ольговичъ и братъ его если не вполне довѣряли, то давали по крайней мѣрѣ видъ, что довѣряютъ даже тысяцкому Ульбу и Ивану Войтишичу, и что во всякомъ случаѣ не боятся ихъ (14).

Между тѣмъ удалой переяславскій князь не терялъ времени; онъ привыкъ руководиться въ своей жизни правиломъ: „не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова идетъ къ мѣсту“; онъ рѣшилъ добывать Кіева, благо что кievляне настойчиво звали его. То и дѣло они говорили Мономахову внуку: „пойди къ намъ, княже, мы хотимъ тебя; мы не хотимъ переходить къ Ольговичамъ, какъ бы по наслѣдству; гдѣ только увидимъ твой стягъ, тамъ и мы готовы стать подъ него“. Благословящъ у переяславскаго владыки Евфимія, князь Изяславъ выступилъ въ походъ; на пути войско его постоянно увеличивалось; види все возрастающую силу свою, Изяславъ Мстиславичъ одушевился и говорилъ: „братья! Всеволода я почиталъ какъ зятя, какъ старѣйшаго себя, по правдѣ; а съ этими младшими Ольговичами да поможетъ мнѣ Богъ уравниться: либо голову свою сложу, либо добуду столъ своего отца и дѣда“! Рѣчь его была любя дружинѣ и войску.

Августа 13 дня 1146 года онъ подступилъ подъ самый Кіевъ. Игорь и Святославъ Ольговичи встрѣтили его, дали ему битву, но потерѣли пораженіе: мѣстность была очень неудобная для сраженія, такъ что великій князь не могъ развернуть какъ слѣдуетъ свое войско. А главное: кіевляне, предводимые Ульбомъ и Войтишичемъ измѣнили въ рѣшительную минуту, перешли на сторону Изяслава Мстиславича. Пораженные спасались бѣгствомъ: Святославъ Ольговичъ ушелъ за Днѣпръ на устье Десны; великій князь Игорь Ольговичъ въ пылу и въ сумятицѣ битвы заѣхалъ въ Дорогожичское болото: здѣсь конь его завязъ; самъ онъ не могъ нигуда спастись: онъ не могъ ходить, будучи боленъ погами. Черезъ четыре дня найденный въ болотѣ, едва живой отъ голода да утомленія, онъ былъ приведенъ предъ Изяславъ Мстиславича, новаго великаго князя, торжественно встрѣченнаго всѣмъ Кіевомъ: Изяславъ приказалъ отправить Игоря въ заключеніе въ Выдубицкій монастырь, а потомъ переправить въ Переяславль, и заключить тамъ въ каменную темницу въ монастырѣ св. Іоанна. (15).

Столь печально окончилось княженіе Игоря Ольговича въ Кіевѣ, длившееся меньше двухъ недѣль: съ престола и съ поля битвы онъ перешелъ прямо въ темницу!

Мы видѣли, какъ трудно съ перваго разу было его положеніе въ Кіевѣ. Онъ вступилъ туда съ сознаніемъ правоты своего дѣла, и все время дѣйствовалъ въ сознаніи этой правоты своей; онъ готовъ былъ исполнить справедливыя желанія кіевлянъ: ему было, конечно, очень не желательно съ перваго же дня вступить въ разладъ съ ними; но и уступки, сдѣланныя имъ, не помогли дѣлу. Игорь Ольговичъ не нашелъ любви у кіевлянъ, не успѣлъ предупредить заговора ихъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ; выступилъ на битву съ соперникомъ, но потерѣлъ полное пораженіе, когда измѣна кіевлянъ окончательно обнаружилась. Коренная всему

причина была въ томъ, что въ Кіевѣ нелюбили князей Ольговичей; при этой нелюбви что значила присяга, что значили всѣ усилія великаго князя и его брата?

VI.

Итакъ Игорь Ольговичъ — плѣнникъ! Его крѣпко стерегутъ въ темницѣ въ Переяславлѣ; онъ сразу оторванъ отъ всей жизненной дѣятельности; только отъ сторожей онъ кое-что иногда узнаетъ, что дѣлается за предѣлами его тюрьмы, тамъ, въ Кіевѣ и Черниговѣ. А тамъ началась длинная жестокая усобица князей, поборовавшихъ то за Игоря, то больше за свои собственные интересы; усобица поднялась во всей Руси.

Какъ было сказано, Святославъ Ольговичъ съ поля битвы благополучно спасся за Днѣпръ. Прибывъ въ Черниговъ, по пути въ Новгородъ-Сѣверскій, онъ прежде всего спросилъ князей Давыдовичей, будутъ ли они сохранять союзъ, недавно подтвержденный: князья черниговскіе отвѣчали согласіемъ. Они даже сдѣлали представленіе новому великому князю въ пользу Игоря Ольговича, просили освободить его изъ заключенія. Изяславъ Мстиславичъ далъ уклончивый отвѣтъ: онъ освободитъ своего плѣнника, если черниговскіе князья дадутъ ему ручательство въ томъ, что Игорь не будетъ ничего домогаться, а удовольствуется только своими властями. Тогда черниговскіе Давыдовичи стали передумывать; они разсудили, что для нихъ нѣтъ выгоды стараться за Игоря Ольговича, что для нихъ выгоднѣе держаться стороны сильнаго великаго князя кіевского, вмѣстѣ съ нимъ начать войну противъ Святослава Ольговича, и подѣлить между собою власти его и Игоревы. Съ своей стороны Святославъ рѣшилъ искать союзниковъ: нѣжный братъ и князь мужественный, съ хотѣлъ во что бы то ни стало освободить Игоря, защитить свои и его владѣнія

отъ захватившихъ двоюродныхъ братьевъ. Онъ обратился чрезъ посла къ суздальскому князю, Юрію Владиміровичу Долгорукому, съ такою рѣчью: брате! Богъ взялъ моего старшаго брата Всеволода, а Игоря захватилъ Изяславъ. Помилосердуй о мнѣ, пойдѣ въ Русскую землю, бери себѣ Кіевъ у племянника, и освободи брата моего Игоря: Я буду вѣрнымъ тебѣ помощникомъ“. Юрію Долгорукаго убѣждать долго не приходилось: онъ и самъ былъ недоволенъ, что племянникъ его, Изяславъ, мимо родового старшинства, взялъ себѣ великокняжескую власть; онъ рѣшилъ добывать Кіевъ въ свою пользу, и потому принялъ союзъ Святослава Ольговича, поцѣловалъ ему крестъ между прочимъ и на томъ, что будетъ стараться объ освобожденіи Игоря. Съ своей стороны Изяславъ Мстиславичъ соединился съ Черниговскими князьями, и оказывалъ имъ помощь въ войнѣ противъ Святослава Ольговича: союзники взяли Путивль, потомъ Новгородъ-Сѣверскій, воевали еще села Игоря и Святослава, забирали княжеское имущество, какое попадало подъ руку: людей, стада, хлѣбъ; опустошали кладовыя и погреба, не щадили даже княжескихъ церквей, — грабили церковныя вещи (16). Не будучи въ силахъ одинъ сопротивляться врагамъ, Святославъ Ольговичъ бѣжалъ съ нихъ: взявъ свое семейство, равно и невѣстку, супругу Игоря, онъ удалился въ лѣвную сторону, въ землю вятичей, а потомъ дальше, къ предѣламъ Суздальской страны, чтобы ближе быть къ союзнику, Юрію Долгорукому, который не сразу могъ водать помощь Святославу Ольговичу, такъ какъ самъ былъ занятъ дѣломъ съ князьями рязанскимъ и Смоленскимъ, да съ Новгородомъ, союзниками великаго князя Кіевского. При личномъ свиданіи Юрія и Святослава въ Москвѣ (16) союзъ былъ подтвержденъ.

Но судьба Игоря Ольговича рѣшительно перемѣнилась до прихода въ южную Русь Юрія Долгорукаго, даже еще до этого сви-

данія его съ княземъ Святославомъ Ольговичемъ. Пусть люди хлопочутъ о немъ одни искренно, другіе своекорыстно; пусть другіе дѣйствуютъ противъ него, какъ враги,—Игорю Ольговичу все равно: онъ пересталъ принадлежать міру.

Заключенный въ монастырскомъ порубѣ, онъ сильно заболѣлъ; еще больше онъ страдалъ въ первое время душой. „Въ самомъ дѣлѣ было отъ чего страдать: недавно великій князь, а теперь узникъ! Любимый братъ, несчастная супруга испытываютъ преслѣдованія враговъ; волости опустошены, имѣніе пограблено. Въ одиночествѣ темницы ему живо вспоминается вся прошлая жизнь: счастливая юность въ родительскомъ теремѣ, въ прекрасномъ Новгородѣ Сѣверскомъ, а потомъ несчастія послѣдующей жизни по кончинѣ отца: неисполнившіяся надежды, горькія разочарованія, оскорбленія и несправедливости отъ людей. Гспоминаются собственные заблужденія и грѣхи: гнѣвъ, вражда съ князьями; сердце говоритъ, что все случившееся есть Божеское наказаніе за грѣхи. И въ ту же минуту, вѣлѣдъ за покаяніемъ, въ сердце сходитъ благодать небеснаго мира, усиливается расположеніе къ молитвѣ, къ жизни съ Богомъ, Который есть единственное невзмѣнное благо души. Надобно покориться Его всеблагой волѣ, съ терпѣніемъ переносить несчастія жизни; за терпѣніемъ послѣдуетъ спасеніе и наслажденіе безконечныхъ благъ Царства Небеснаго. И что передъ этими благами земная жизнь съ ея невѣрными радостями? Право, лучше отказаться отъ этой жизни, и начать жить всецѣло для Бога въ тишинѣ святаго монастыря! Премудро поступилъ двоюродный братъ, Святославъ—Никола Давидовичъ, отказавшись отъ міра, вступивъ смиреннымъ инокомъ въ Печерскій монастырь (18)“. Такъ примѣрно размышлялъ съ собой благовѣрный князь въ одиночествѣ заключенія! И прежде онъ испытывалъ силу молитвы; теперь же, въ темницѣ, онъ особенно сталъ

испытывать ее спасительную силу, пользоваться ею для своего подкрѣпленія. И вотъ въ сердцѣ его созрѣло рѣшительное намѣреніе отказаться отъ міра, отъ всѣхъ пожеланій власти и почестей, и принять иночество. Въ концѣ 1146 года, приблизительно въ ноябрѣ или декабрѣ, онъ послалъ сказать къ великому князю Изяславу Мстиславичу въ Кіевъ.

— „Брате, я сильно болѣю. Молю тебя, господине мой, сотвори миѣ милостивую любовь свою, исполни желаніе сердца моего: вели постричь меня во святой иноческій образъ, да плачусь грѣховъ моихъ, и да не вижу смерти моего любимого брата, Святослава Ольговича. И еще и прежде, во время княженія, имѣлъ мысль о постриженіи (19)“.

Великій князь, по видимому, былъ удивленъ этимъ неожиданнымъ прошеніемъ. Онъ съжалился надъ своимъ несчастнымъ племянникомъ, и послалъ ему отвѣтъ чрезъ одного боярина своего: „если у тебя была мысль о постриженіи, то ты воленъ въ ней; я же и безъ того освобождаю тебя, ради болѣзни твоей“. Чуть живой Игорь Ольговичъ былъ выведенъ изъ поруба въ одну изъ монастырскихъ келій; цѣлую недѣлю онъ находился въ самомъ опасномъ положеніи, не могъ ни ѣсть, ни пить; только на восьмой день „Богъ воротилъ ему душу“, по выраженію лѣтописца. Оправясь отъ тяжелой болѣзни, Игорь Ольговичъ не колебался исполнить свое намѣреніе, и принялъ иноческое постриженіе изъ рукъ переяславскаго владыки Евфимія.

Это было въ навечеріе Богоявленія Господня, 5 января 1147 года (20).

Вскорѣ послѣ того князь—инокъ былъ переведенъ въ Кіевъ, въ монастырь св. Феодора. Здѣсь онъ принялъ еще схиму, и сталъ жить, прилежно храня иноческіе уставы. Такъ рѣшительно покончилъ съ міромъ блаженный князь! Но міръ и въ монастырѣ

не давалъ ему покоя; міръ безпощадный и суровый не довѣрялъ искренности его отреченія, и готовилъ ему послѣднее тягчайшее зло.

Переходимъ къ описанію кончины его.

Святославъ Ольговичъ съ помощью Юрія Долгорукаго поправилъ свои дѣла, возвратилъ свои владѣнія. И теперь онъ продолжалъ питать надежду освободить брата своего, плена: можетъ быть онъ думалъ улучшить судьбу его, предоставя ему болѣе свободную жизнь, хотя бы и въ сапѣ плена, но подѣ своимъ братскимъ попеченіемъ, въ одномъ изъ ближайшихъ къ себѣ монастырей, а не подѣ надзоромъ кіевского великаго князя, среди враждебнаго Кіева: любящій братъ естественно питалъ такіа надежды; онѣ и дѣйствительно могли сбыться при благопріятныхъ условіяхъ, напримѣръ при вѣкняженіи въ Кіевѣ Юрія Долгорукаго. Но вмѣшались въ дѣло черниговскіе князья Давыдовичи, и все его испортили, загубили Игоря Ольговича. Видя, на чью сторону сталъ склоняться усиѣхъ, они вступили въ сношенія съ княземъ Святославомъ, предложили ему союзъ противъ великаго князя, и даже планъ захватить его самого вмѣсто Игоря. Коварные Давыдовичи вели двойную игру: тайно переговаривались съ двоюроднымъ братомъ, а наружно оставались союзниками великаго князя, который въ это самое время, а въ томъ 1147 года, выступилъ съ своей дружиной изъ Кіева на помощь Давыдовичамъ противъ Юрія и Святослава, вопреки совѣту кіевлянъ, предостерегавшихъ его отъ дружбы съ Давыдовичами, и рѣшительно не хотѣвшихъ воевать противъ Юрія, противъ сына Мономахова! Великій князь впору узнать о коварныхъ замыслахъ Давыдовичей; онъ былъ поражень, возмущень; онъ тотчасъ отправилъ въ Черниговъ своего боярина Улѣба обличить черниговскихъ князей въ глаза, бросить предѣ ними крестоцѣловальныя грамоты, что бояринъ и исполнилъ буквально по приказу. Въ то же время Изяс-

славъ Метиславичъ увѣдомилъ обо всемъ кїевлянъ,—и тогда вотъ что произошло въ Кїевѣ.

Отъ мала и до велика, по выраженію современнаго лѣтописца, кїевляне сошлись на вѣче на дворѣ св. Софіи, и расположились въ обычномъ для вѣчевыхъ собраній порядкѣ: на вѣчѣ присутствовали на этотъ разъ князь Владиміръ Метиславичъ, братъ великаго князя и наместникъ его за время отсутствїя, да митрополитъ Климентъ (21), сверхъ обычной главы вѣча, то есть кїевского тысяцкаго. Выступилъ впередъ посолъ великаго князя (22), передалъ поклоны его сначала князю Владиміру, потомъ владыкѣ Клименту, потомъ тысяцкому Лазарю и всѣмъ кїевлянамъ. Затѣмъ посолъ держалъ рѣчь отъ лица великаго князя „И едумалъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ (смоленскимъ), да съ Владиміромъ и Изяславомъ Давыдовичами идти на своего дядю, на Юрія. И н васъ приглашалъ въ походъ, но вы мнѣ отказали: не можемъ-де поднять рукъ на Володимірово племя, на Юрія, а на Ольговичей хотѣ съ дѣтьми готовы идти за тобой. Теперь объявляю вамъ, братья: цѣловавшіе мнѣ крестъ Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, да Святославъ Всеволодовичъ, которому я много добра сдѣлалъ, (членинникъ по сестрѣ), нынѣ тайно цѣловали крестъ Святославу Ольговичу, да ссылаются съ Юріемъ на мое лихо, хотѣли либо схватить меня, либо убить про Игоря. Но Богъ меня заступилъ и крестъ честный, который мнѣ цѣловали. Теперь, братья мои кїевляне, исполните что вы хотѣли: идите къ Чернигову на Ольговичей, наряжайтесь все отъ мала до велика: кто имѣетъ коня, пусть ѣдетъ на конѣ; у кого нѣтъ коня, пусть плыветъ въ ладѣ. Знайте, что враги хотѣли не меня одного убить, но и васъ всѣхъ искоренить“.

Кїевляне въ одинъ голосъ отвѣчали: „ради, что Богъ избавилъ князя и насъ отъ великой лести; готовы идти и съ дѣтьми за

княземъ!“ Вслѣдъ за тѣмъ возвысиль голосъ одинъ изъ участниковъ вѣча и повелъ такую рѣчь: „мы готовы идти за княземъ, по воть о чемъ подумаемъ: въ прежніе годы, при великомъ князѣ Изяславѣ Ярославичѣ, нѣкоторые недобрые люди высвободили изъ поруба князя Всеслава, и тѣмъ причинили много зла нашему городу; Игорь же, врагъ нашего князя и нашъ общій врагъ, теперь живетъ не въ порубѣ, а на свободѣ въ монастырѣ; намъ прежде надобно покончить съ нимъ, а потомъ уже идти къ Чернигову.“ (23).

Эта злобная циническая рѣчь произвела страшное возбужденіе. Толпа тотчасъ повалила къ монастырю св. Θεодора, бывшему не подалеку отъ Софійскаго собора, въ томъ же старомъ Кіевѣ. Напрасно говорилъ народу князь Владиміръ Мстиславичъ: „братъ мой, князь великій, не велитъ вамъ дѣлать зла Игорю, пусть по прежнему его блюдутъ сторожа, а ваше дѣло — собираться въ походъ“. Напрасно увѣщавали также митрополитъ Климентъ, тысяцкій Лазарь и Рагуиль, тысяцкій Владиміровъ; народъ не слушалъ никакихъ увѣщаній и шелъ къ монастырю съ намѣреніемъ убить князя-инока, приговаривая: „ни вамъ, ни намъ не кончить добромъ съ этимъ племенемъ Ольговичей“. Видя такой грозный оборотъ дѣла, Владиміръ Мстиславичъ сѣлъ на коня, хотѣлъ предупредить приходъ толпы къ монастырю и спасти Игоря Ольговича; такъ какъ пробраться сквозь густую толпу, особенно на мосту лежавшемъ на пути, не было возможности, то князь пустился въ объѣздъ мимо Глѣбова двора; но все таки онъ не успѣлъ предупредить народной толпы, которая раньше его дошла до монастыря.

Игорь Ольговичъ слышалъ шумъ толпы и понялъ сразу, что значитъ этотъ шумъ. Онъ вышелъ изъ кельи въ церковь (былъ часъ литургіи); онъ сталъ горячо молиться Богу изъ глубины

сокрушеннаго сердца; ему приходили на память терпѣніе праведнаго Іова, кончина пророковъ и апостоловъ, мучениковъ и пресподобныхъ; онъ самъ готовился къ мученической смерти и произносилъ слезную отходную молитву: „Господи Боже! причти меня къ избранному твоему стаду съ десными овцами твоими! Призри на немощь мою; виждь смиреніе мое, тяжкую скорбь и печаль, меня сдерживающую, да уповаю на Тебя смирнаго предстоящую мнѣ муку. Благодарю Тебя, Господи, о всемъ; благодарю и за то, что Ты смирилъ мою душу. Сподоби меня перейти отъ сего суетнаго темнаго міра въ Царство Твое, ибо Ты сказалъ, Владыко: вѣруй въ Мя еще и умретъ, живъ будетъ“. Такъ молился блаженный князь, убѣждая молиться за себя и братію монастырскую (24).

Мятежники ворвались въ церковь, схватили инока — князя на молитвѣ и выведя изъ церкви, тотчасъ сорвали съ него мапію. Тогда бывший великій князь грозно сказалъ мятежникамъ: „О законопреступники и враги, отступники правды Христовой! Зачѣмъ вы пришли на меня, какъ на разбойника? Вы цѣловали мнѣ крестъ имѣть меня великимъ княземъ; но это все прошло, теперь я инокъ“. Толпа не слушала, сорвала съ князя и свитку, приговаривая: убить его, убить. Игорь болѣе крѣтко сталъ говорить: „о грѣшныя окаляные люди! Не знаете вы, что творите; и на что мнѣ одежда? Нагъ я вышелъ изъ утробы матери, нагъ и отыду“. Толпа довела Игоря Ольговича до монастырскихъ воротъ, въ эту минуту подошелъ князь Владиміръ Мстиславичъ. Игорь взглянулъ на него и вздохнувши сказалъ ему: охъ, брате! куда меня ведутъ? Тронутой до грубины души голосомъ и взоромъ несчастнаго князя, Владиміръ спрыгнулъ съ коня и покрылъ Игоря своимъ корзноу (плащемъ); онъ взялся самъ защищать его, шелъ съ нимъ рука объ руку по направленію къ двору своей матери; онъ успѣлъ на

время укротить народъ, говоря: „братія моя! не можете дѣлать зла князю Игорю, уже инокъ, не убивайте его; вы нацесете тогда вѣчный позоръ великому князю и мнѣ!“ Такимъ образомъ разговаривая съ толпой, Владиміръ довелъ Игоря Ольговича до двора своей матери; у него дорогою составилъ планъ укрыть Игоря либо во дворѣ княгини, либо снасти его въ другомъ мѣстѣ, выведя его тайнымъ путемъ, или же посади на коня (25). Но въ эту минуту толпа спохватилась, рѣшила отнять обреченную жертву, уходящую изъ ея рукъ. И вотъ въ воротахъ двора княгини Мстиславовой произошла свалка: мятежники стали отнимать Игоря, стали бить его, даже Владиміра самого; на помощь князьямъ бросился доблестный бояринъ Михаилъ: онъ соскочилъ съ коня и помогъ Владиміру увести Игоря внутрь двора, ворота которого тотчасъ были затворены; озлобленный народъ бросается на боярина, оставшагося внѣ двора, жестоко избилъ его, сорвалъ съ него золотой крестъ съ цѣпью (26). Затѣмъ разевирѣвшая толпа сломала ворота, ворвалась во дворъ; она замѣтила Игоря на сѣняхъ (27), достала его оттуда и потащила вонъ со двора: князь Владиміръ увидалъ, что онъ не въ состояніи больше защищать несчастнаго Игоря! Инокъ-князь попробовалъ спросить себѣ священника для несовѣди; толпа съ грубой бранью отказала въ просьбѣ и начала его убивать, когда князь произнесилъ послѣднюю молитву: „Владыко Господи! въ руки Твои предаю духъ мой“. Наконецъ толпа предалась дикому неистовству, привязала веревку къ ногамъ полумертваго инокъ-князя, и потащила его отъ Мстиславова двора къ Бабинѣ торжкѣ, потомъ къ другому княжему двору и къ мраморной церкви Богородицы; насытивъ убійствомъ и поруганіемъ тѣла блаженнаго мученика, убійцы положили его на телегу и свезли съ горы на Подоль, гдѣ бросили его среди торговща.

Это дикое злодѣйство совершилось 19 сентября 1147 года, въ пятницу. Это одиѣзъ изъ самыхъ темныхъ дней въ исторіи Кіева, столь богатой вообще свѣтлыми историческими событіями (28). Такъ погибъ Игорь Ольговичъ, невинный князь-инокъ, благородная свитая жертва княжескихъ распрей, да грубаго мстительнаго свечеволія кіевской черни!

VIII.

Когда гроза мстителя улеглась, разрѣшилась убійствомъ, выступили лучшіе кіевскіе люди, пожелавшіе воздать послѣднее цѣлованіе убіенному князю. „Благовѣрные челоувѣки, говоритъ кіевскій дѣтописецъ, приходяще взимаху отъ крове его и отъ прикрова, сущаго на немъ, на тѣлѣ его, на спасенію себѣ и на исцѣленію, и покрывахуть наготу тѣлесе его своими одежами“. Дано было знать князю Владиміру, что все кончено, что поверженное тѣло Игоря лежитъ едва прикрытое на торговищѣ; тотъ послать тысяцкаго съ приказаніемъ поднять его и честно положить въ одной изъ церквей. Но даже и теперь, у тѣла убіеннаго продолжались пререканія; тысяцкій подѣхавъ сказалъ окружающимъ: „это вы убили князя“, на что получилъ отъ нѣкоторыхъ отвѣтъ: „не мы убили его, а Ольговичъ, да Давыдовичи, да Вєвєлодичи“. Впрочемъ это были послѣднія и бесполезныя уже пререканія. Тѣло князя было внесено въ церковь новгородскихъ купцовъ во имя св. Архистратига Михаила (29). На другой день, въ субботу утромъ, новгородцы повѣдали митрополиту Клименту о чудесномъ знаменіи, видѣнномъ въ церкви: надъ тѣломъ мученика ночью сами собою зажглись свѣчи; митрополитъ же велѣлъ до времени разлазывать чуда, затѣмъ распорядился немедленнымъ въ тотъ же субботній день погребеніемъ князя — инока. По его приказанію на похороны пріѣхалъ Осеодоровскій игуменъ Анапія. Увидя бывшего своего инока, игуменъ залился горькими слезами, приговаривая:

„о горе человѣческой суетности! Гдѣ наша любовь, гдѣ милость и миръ?“. При погребеніи явились новыя значенія (30); все были поражены ими; при кѣннѣ „вѣчной памяти“ вся церковь рыдала. Можетъ быть плакали даже убійцы вчерашніе; толпа вѣдь отходчива: сегодня убиваетъ, завтра раскаивается! Положено было тѣло Игоря Ольговича въ монастырѣ св. Симеона, въ Коныревомъ концѣ города, — въ отнемѣ и дѣдовскомъ монастырѣ покойнаго князя (31).

Великій князь Изяславъ Мстиславичъ былъ глубоко пораженъ извѣстіемъ объ убійствѣ Игоря Ольговича. Онъ искренно жалѣлъ о немъ и, конечно, тотчасъ же раскаялся за свой неполитичный шагъ, то есть за посланное сгоряча въ Кіевъ увѣдомленіе объ измѣнѣ Давыдовичей, безъ принятія напередъ мѣръ для безопасности Игоря Ольговича, для обузданія возможнаго своеволія кіевлянъ. Его безпокоила мысль, что про него будутъ думать, какъ про перваго виновника смерти Игоря; но онъ безпокоился напрасно: ни современники, ни исторія не обвиняютъ его, какъ примаго виновника въ смерти князя Игоря Ольговича; исторія можетъ обвинять его именно за неосторожное увѣдомленіе Кіева объ измѣнѣ Давыдовичей, князей черниговскихъ, за непринятіе въ ту же пору нужныхъ мѣръ для безопасности князя — инока, да еще за то, что убійцы его остались безнаказанными: это была похорошая потачка народному своеволію (32).

Княжескія усобицы продолжались. Изяславъ Мстиславичъ началъ воевать область Черниговскихъ князей, вѣроломныхъ союзниковъ; послѣдніе нашли себя вынужденными просить мира у великаго князя. „Миръ стоитъ до рати, а рать до мира“, говорили ходячую пословицу изворотливые князья Давыдовичи; не вины насъ, что мы встали на рать: вѣдь намъ было жалко брата Игоря; мы хотѣли, чтобы ты освободилъ его; но мыѣ онъ убить, Богъ взялъ его туда, гдѣ и намъ всемыѣ быть: не будемъ теперь губить

русскую землю, сдѣлаемъ миръ!“ Изяславъ Мстиславичъ, выслушавъ лицемерныя рѣчи, не отвергнулъ предложенія, и отправилъ въ Черниговъ своихъ пословъ для совершенія мирнаго договора: бѣлгородскаго епископа Θεодора, нечерскаго игумена Θεодосія и нѣсколькихъ бояръ. Въ Спасскомъ соборѣ князья Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ цѣловали в. князю крестъ на томъ, чтобы „вражду про Игоря отложить, блюсти рускую землю и быть всѣмъ за одинъ братъ“. Велѣдъ за совершеніемъ мира 1148 года Изяславъ Мстиславичъ пригласилъ князей на съѣздъ въ Городецъ Остерскій: черниговскіе князья цѣхали; но Святославъ Ольговичъ не пожелалъ видѣться съ великимъ княземъ (33).

Онъ всѣхъ тяжело чувствовалъ потерю любимаго брата Игоря, всѣхъ горче оплакивалъ его кончину. Въ 1150 году, когда въ Кіевѣ сидѣлъ уже Юрій Долгорукій, его союзникъ, онъ перенесъ изъ Кіева мощи Игоря Ольговича въ Черниговъ, въ Спасскій соборъ, гдѣ и положилъ ихъ въ особомъ теремѣ (34). Память брата-мученика была всегда для него священная и любезна; когда у него отъ второй его супруги (новгородской) родился сынъ, на пасхѣ 1151 года, то онъ далъ ему какъ разъ тѣ же имена, которыя носилъ дорогой памяти его братъ, то есть имена Игоря-Георгія: этотъ племянникъ блаженному Игорю Ольговичу, князю новгородѣверскому, есть будущій герой „Слова о полку Игоревѣ“, также новгородѣверскій князь, славный своимъ походомъ на половцевъ (35).

Церковь давно причислила князя Игоря Ольговича къ лику святыхъ угодниковъ Божіихъ, природныхъ за рускую землю молитвенниковъ (36). Слава Господу, дивному во святыхъ Его! Слава Ему, устрояющему наше святиорусское отечество! „Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!“

Примѣчанія и дополненія къ очерку.

1. Лѣтопись по Ипатьскому списку, издан. Арх. Коммиссіи 1871 г. на стр. 231; 237; 242.—Лѣтопись запятой Археогр. Ком. вып. 9-й, О черниговскихъ князьяхъ по любецкому синодику, изслѣдованіе Зотова, на стр. 259. Слѣдуетъ замѣтить, что изданный г. Зотовымъ любецкій синодикъ и подробное изслѣдованіе его о памятникѣ доставляютъ важныя данныя для генеалогіи и исторіи черниговскихъ князей, особенно за время татарское и литовское; синодики черниговскіе — важный источникъ, давно обращающій на себя вниманіе ученыхъ, а теперь въ лицѣ г. Зотова имѣющій тщательнаго добросовѣстнаго изслѣдователя.

2. Лѣтоп. по Ипатьск. сп. стр. 236. Въ любецкомъ синодикѣ пазывается имя «великаго князя Георгія кіевскаго, во иноцѣхъ Гавріила» Въ елецкомъ синодикѣ — «князя Георгія, убіеннаго въ Кіевѣ». (Филаретъ, Историко-статистическое опис. черниг. епархіи, кн. V, стран. 36—37). Не можемъ здѣсь согласиться съ доводами г. Зотова, будто въ любецкомъ синодикѣ нѣтъ упоминанія объ Игорѣ - Георгіѣ Ольговичѣ, и будто строка «великаго князя Георгія кіевскаго, въ иноцѣхъ Гавріила Всеволода» относится къ Всеволоду Ольговичу, в. князю кіевскому, старшему брату Игоря: (О чернигов. князьяхъ по любецк. синодику, стр. 24; 34—36). Эту строку слѣдуетъ читать раздѣльно, и тогда окажется, что въ ней упоминаются оба брата, т. е. сначала Игорь - Георгій—Гавріилъ, а рядомъ съ нимъ и Всеволодъ, оба бывшіе великими князьями кіевскими. Сравн. здѣсь ниже въ примѣч. 36-мъ выписки изъ кіевскихъ синодиковъ.

3. Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 106—107.

4. Приведенная характеристика Игоря Ольговича находится въ одной лѣтописи, вошедшей въ свѣдѣ Татищева или «Исторію Россійскую», книгу вторую, стран. 313. Славный историкъ въ своей драгоцѣнной книгѣ передаетъ ее, какъ видно, въ очень близкомъ пересказѣ, почти словами стараго лѣтописца, въ первомъ лицѣ. Замѣтимъ, что описаніе ларужности Игоря Ольговича изъ этой лѣтописи у Татищева перешло

съ малыми измѣненіями въ иконописный подлинникъ: смотр. Сводный иконописный подлинникъ XVIII вѣка въ «Вѣстникъ Общ. древнерус. искусства», па стр. 108. — И въ другихъ мѣстахъ свода Татищева есть много отзывовъ о князѣ Игорѣ Ольговичѣ стараго лѣтописца, но очень рѣзкихъ, въ томъ явнаго перасположенія къ нему: Истор. Росс. II, стр. 281; 284; 288; 312 и проч. Самъ историкъ Татищевъ, какъ видно изъ его изложенія и примѣчаній, сильно подчинился этой старой кievской лѣтописи, очень перасположенной вообще къ Ольгочичамъ; при всемъ томъ однако мы должны считаться съ исторіей Татищева, и сравнивать ся показанія время отъ времени съ кievской же лѣтописью по Ипатскому списку, по правилу: *audiatnr et altera pars*. А въ описаніи кончины Игоря Ольговича въ сводѣ Татищева есть любопытныя и достовѣрныя черты, какихъ нѣтъ въ Ипатскомъ сводѣ, этомъ вообще главномъ источникѣ для исторіи Изяслава Мстиславича и Игоря Ольговича, равно для всѣхъ житій и сказаній о кончинѣ блаженнаго Игоря.

5. Супруга Игоря Ольговича упоминается въ Лѣтоп. по Ипат. сп. на стр. 237: «Святославъ Ольговичъ ятровъ свою, Игоревую, поя съ собою». Это было въ 1147 году, когда князь бѣжалъ, спасаясь отъ своихъ враговъ, съ семействомъ и невѣсткою, женой Игоря. — О дѣтяхъ Игоря нѣтъ положительныхъ указаній: смотр. Зотова, О черниговскихъ князьяхъ, па стр. 263. Погодинъ совсѣмъ отрицаетъ ихъ: Изслѣдованіе, VI. 75. — О бракѣ Святослава Ольговича съ половецкою княжною — Лѣтоп. по Ипат. сп. на стр. 187, подъ 1107 годомъ. Не было ли тогда только обрученіе его, или помолвка, а не собственно бракъ? Не очень ли онъ былъ тогда молодъ? О томъ же и второмъ его бракѣ въ Новгородѣ Великомъ смотр. указанія въ трудѣ Зотова на стр. 265.

На счетъ этихъ браковъ черниговскихъ князей съ половецкими княжнами любопытны сужденія Татищева, напримѣръ въ примѣчаніяхъ 393. и 414—415; историкъ приписываетъ имъ большое значеніе, объясняетъ самую нелюбовь современниковъ къ князьямъ Ольго-

вицамъ именно тѣмъ, что они женились на половчанкахъ. Есть, кажется своя доля правды въ такомъ объясненіи; но слѣдуетъ также имѣть въ виду, что съ иоловцами роднились не одна черниговскіе князья, а также кіевскіе, суздальскіе и другіе, хотя черниговскіе чаще. Главная причина нерасположенія современниковъ и лѣтописцевъ кіевскихъ къ Ольговичамъ все таки не эти брачныя связи ихъ съ половецкимъ-князьями: онѣ больше предлогъ, а не настоящая причина.

6. Битва на Нѣжатиной нивѣ (по Лаврент. списку «Нѣжатица», по Ипатск. сп. «Нежатица») происходила 1078 г. октябр. 3-го. По разсказу лѣтописи выходитъ, что эта мѣстность была близко подъ Черниговомъ, а не то чтобы на мѣстѣ города Нѣжина на р. Острѣ. Старинное названіе этого города въ той же кіевской лѣтописи есть «Упенѣжь»: впервые упоминается подъ 1147 годомъ, на ряду съ городами «Бокмачъ и Бѣлавежа». (Лѣтоп. по Ипатск. списку, 252).

7. Лѣтоп. по Ипатск. сп. 202: «Распри бывши межѣ Володимеромъ и Давыдомъ и Ольгомъ, Володымеру бо хотящу я (гробницы мучениковъ) поставити средѣ церкви, и теремъ сребренъ поставити надъ нима, а Давидъ и Олегъ хотяшета я поставити въ комару». Выписываемъ это мѣсто изъ лѣтописи, пригодное для соображенія о томъ, что такое могъ быть тотъ теремъ въ Черниговскомъ Спасскомъ соборѣ, въ которомъ были положены мощи св. Игоря въ 1150-мъ году. Сравн. вѣдѣсь ниже примѣч. 34-е.

8) О волостяхъ Игорю и Святославу отъ вел. князя дававшихся, и о желаніяхъ ихъ самихъ смотр. въ Лѣтоп. по Ипат. сп. на стран. 221—224, въ Исторіи Татищева, II. гл. XV и въ глав. XVII, стран. 291, подъ рубрикою «договоръ о чужомъ»: по Татищеву оказывается, что коренной волостью Игоря была «сѣверная» т. е. Новгородсѣверская, а Святослава — Курскъ и Путивль; область же вятичей Всеволодъ оставилъ за собой: Черниговъ—Давыдовичамъ.

9. Всеволодъ Ольговичъ колебался въ назначеніи себѣ преемника въ Кіевѣ, обѣщаль его то шурину Изяславу Мстиславичу, то брату

Игорю Ольговичу: Лѣтоп. по Ипатск. см. 226—227; 229. Татищевъ, Истор. Росс. II, 259; 269; 271; 280—281; примѣч. 339 и 400.

10. Лѣт. по Ипат. см. 229. Тіуны—управители княжескихъ имѣній и судьи, если князья давали имъ право судить. Они были лично не свободные люди. Извѣстна изстари репутація ихъ, какъ людей неправоудныхъ и мздоимныхъ; по старинной пословицѣ тіуновъ боялись, «какъ огня».

11. Тамже, стр. 230. По Татищеву и великій князь лично усмирять мятежъ, вмѣстѣ съ братомъ: Истор. Росс. II, 283. Отмѣтимъ описку или опечатку у Татищева въ выраженіи: «пародѣ пошедь ко двору Ратшину и Менкину». Въ Ипатскомъ спискѣ называются «дворъ Ратьшинъ и мечники».

12. Лѣтоп. по Ипат. см. 231. Тамъ поименно исчисляются эти бояре кіевскіе. Татищ. II. Р. II, 283; 285. О преданныхъ Игорю боярахъ Лѣтоп. по Ипат. см. 233; Татищ. II, 287.

13. Тамже, 231. Татищевъ почему-то бросаетъ тѣнь на черниговскаго епископа, Онуфрія, выражаясь, что онъ «льстилъ Игорю»: стр. 285. Объ епископѣ черниговскомъ *Онуфріѣ*, преемникѣ *Пантелеймона*, см. Лѣтоп. по Ипат. см. стр. 224; 231; 241; у Татищева, 271; 285; 301—302. Замѣтимъ здѣсь, что у того же Татищева послѣ Онуфрія упоминается, какъ епископъ черниговскій—*Евфимій* въ 1148 году: стр. 330 книги второй II. Р. Этотъ епископъ иными историками опускается (Строевъ), иными подвергается сомнѣнію (Е. Голубинскій, II. Р. II. I, 1, стр. 548), но у преосв. Филарета значится на своемъ мѣстѣ, между Онуфріемъ и *Антоніемъ* грекомъ (Ист. стат. опис. черниг. еп. I, стр. 18—19). Не видать по источникамъ, что случилось къ тому времени съ владыкою Онуфріемъ, т. е. почему въ 1148 году его уже нѣтъ въ Черниговѣ. Въ предъидущемъ году онъ былъ главой собора русскихъ епископовъ, поставившихъ въ митрополию Климента смолятича, управлялъ дѣлами митрополіи кіевской въ промежутокъ отъ Михайла II до Климента смолятича. Не видать,-- повторяемъ-- на что намекаетъ Татищевъ, говоря, что онъ «льстилъ»

Игорю великому князю. Не потерпѣлъ ли онъ за преданность ему? Не прогнѣвались ли на него мѣстные князья черниговскіе, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи? Впрочемъ можетъ быть и умереть.

14. Не можемъ согласиться съ Татищевымъ, предполагающимъ, что Игорь по неразумности или по излишней хитрости держалъ при себѣ за главныхъ совѣтниковъ Ульба, Войтышича и другихъ единомышленниковъ ихъ: И. Р. II, 285.

15. Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 230—232.

16. Тамже, стр. 232—239. Татищевъ, Ист. Р. II, стр. 287—297.

17. Первое упоминаніе лѣтописи о Москвѣ: Лѣтоп. по Ипат. си. стр. 240. Свиданіе произошло въ пятницу на 5-й недѣлѣ великаго поста, или на похвальной недѣлѣ, то есть 4 апрѣля (Пасха въ 1147 году была 20 апрѣля).

18. О блаженномъ князѣ Николѣ-Святомѣ Давыдовичѣ смотр. въ Печерскомъ патерикѣ и въ Степенной книгѣ, ч. I, страп. 235—240. Въ концѣ разсказа Степенной книги замѣчено: «велико дѣло сотвори, его же прижъ его ни единый князь въ Руси не сотвори, волею бо никтожъ приде въ чернечество, но точию при смерти». Скончался блаженный князь Никола-Святославъ 14 октября 1143 года. Его младшіе братья, Владиміръ и Изяславъ, далеко не были похожи на него по нравственному характеру. Объ отцѣ ихъ, блаженномъ Давидѣ Святославичѣ—также въ Степенной книгѣ, I, страп. 234—235.

19. Степенная книга—«Страданіе св. мученика, кіевского вел. кп. Игоря Ольговича ипока», и другія сходныя съ нимъ описанія.—Лѣтоп. по Ипатск. сп. стр. 239.—Татищевъ И. Р. II, 297. — Князь Щербатовъ, Истор. Россійская, книга V, стр. 163. Последний историкъ бросаетъ тѣнь на Игоря Ольговича и на Изяслава Мстиславича, дѣлая слѣдующее разсужденіе, неизвѣстно на чемъ основанное: «Изяславъ, не имѣя тогда ничего опасаться, большаго его изъ-подъ стражи освободилъ, сказывая, что не для постриженія освобождаетъ его; однако князь Игорь, опасаясь подѣ съ дѣстїю чєю и вребнѣишаго себѣ,

повелѣлъ себя въ ипческій чинъ постричь епископу Ефимію Переяславскому».

20. День постриженія не указывается въ Лѣтоп. по Ипатскому списку. Но онъ отмѣченъ въ Лѣтоп. по Лаврент. сп. на стран. 298, въ «Страданіи» по Степенной книгѣ, въ Милютинской Четвѣ-Миней и другихъ источникахъ.

21. Описаніе вѣча 19 сентября 1147 года, живое и подробное— въ современной кievской лѣтописи т. е. въ Лѣтоп. по Ипатск. сп. стран. 245—249. Хорошо и въ Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 300—302. Сравни. Татищева II, 309—312. Присутствіе на вѣчѣ митрополита Климента должно быть было въ виду особой важности дѣла.

22. По Ипатскому списку—одинъ посолъ; по Лаврентьевскому—двое, Добрыню и Радило, по Татищеву—Добрыню и Рагуиль. Въ Степенной книгѣ также сказано: «два боярива, посланная великимъ княземъ».

23. Ипатская лѣтопись выражается: II рѣче единъ человекъ». Этотъ человекъ по имени не называемый, былъ какъ видно не простой человекъ, а вліятельный, знающій старину кievскую: событіе, воспоминаемое имъ, имѣло мѣсто въ 1068 году, назадь тому почти восемьдесятъ лѣтъ. Вѣроятно это былъ какой нибудь бояринъ, враждебный Ольговичамъ. - Въ Лѣтоп. по Лавр. сп. говорится, что въ этомъ смыслѣ говорили всѣ кievляне, а не одно лицо.

24. Мы изложили молитву блаженного князя по Ипатскому списку лѣтописи. Въ другихъ источникахъ («Страданіе» Степенной книги, Житія, лѣтопись по Никонову сп.) мы не встрѣчаемъ этой молитвы. Въ «повѣсти о убіеніи блаженного Игоря», находящейся въ рукописномъ Печерскомъ Патерикѣ XVII-го вѣка, сказано: «и павъ предъ иконою Богородичною, со слезами моляшеся избавитися таковыя трудныя смерти; и всѣмъ братіямъ припадая умильно моляше, да молятъ Бога» и т. д. Икона пресв. Богородицы, предъ которою молился св. Игорь, доселѣ сохраняется въ Великой церкви Кіевопечерской Лавры,

составляетъ одну изъ древнѣйшихъ ея святынь: свѣдѣнія объ этой иконѣ древняго византійскаго письма, шитѣ богато украшенной, можно читать въ трудѣ *Закревскаго*, описаніе Кіева (капитальномъ трудѣ, изд. Москов. Археологич. Обществомъ), на стран. 684—685. Сравнить тамъ же стран. 189—200 о Бабиномъ торжествѣ, или древнемъ Лобномъ мѣстѣ Кіева, гдѣ любопытныя разъясненія топографическія о мученичествѣ Игоря Ольговича.

25. Ист. Росс. Татищева, II, 312. Въ описаніи разговоровъ Игоря съ народною толпою мы слѣдовали лѣтописи, гдѣ они изложены иначе, чѣмъ въ исторіи Татищева.

26. О бояринѣ Михайлѣ, ипаче Мыхалѣ, по не князѣ, смотр. у Карамзина, Ист. Гос. Росс. т. II, прим. 308. Сравни. у Татищева, который называетъ его *тысяцкимъ* Владиміра Мстиславича; по, по лѣтописямъ, тысяцкимъ Владиміра былъ тогда бояринъ Рагуилъ: Ипат. стр. 247; Лавр. стр. 301; Татищев. стр. 311. Щербатовъ (Истор. Росс. V, 172) называетъ его княземъ Михайломъ, сыномъ Вячеслава, по не приводитъ основаній для своего мнѣнія. Любопытны подробности о паружныхъ украшеніяхъ, которыя носили кіевскіе бояре: крестъ, золотая цѣпь и гривна (у Татищева), если только цѣпь и гривна не значатъ одно и тоже; въ лѣтописи по Ипатскому списку сказано—«отторгоша крестъ на немъ и съ ченьми, а въ немъ гривна золота»: стран. 248. Тоже и въ лѣтоп. по Лавр. сп. 301.

27. «Володимеръ же вомча Игоря во дворъ матери своея, затвори ворота, а Игоря пусти на Кожюховы сѣни»: Лавр. 301. Такъ же называются эти сѣни въ Степеной книгѣ, въ лѣтописи по Никонову списку и другихъ источникахъ. Не видать ясно, есть ли это нарицательное имя для однихъ изъ сѣней дома княгини Мстиславовой, или же подъ нимъ разумѣется сосѣдній домъ чей нибудь, куда Владиміръ думалъ укрыть, подалше отъ мятежниковъ, князя Игоря.—Дальнѣйшія подробности объ убіеніи и поруганіи Игоря изложены, кромѣ лѣтописи, еще по житіямъ и по Татищеву, который говоритъ о священникѣ—духовникѣ ѣо грубой циничной брави убійцы: И. Р. II, 312

28. Эта точная дата -- изъ лѣтописи по Ипатьскому списку. Въ «Страданіи» Степенной книги ошибочно говорится про 9-е сентября и субботу. Житіе въ Милютинской Четвъ-Минеѣ и другія нѣкоторыя житія вовсе не ставятъ даты.

29. Какъ видно, эта церковь была ближайшею къ тому мѣсту, гдѣ былъ поверженъ убіенный князь. Церковь св. архистратига Михаила, новгородская божница, называется именно такъ въ лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 302, и въ лѣтоп. по Никонову списку, часть II, стр. 102.

30. Опѣ подробно описаны въ «Страданіи» Степ. книги, въ житіяхъ, въ лѣтописи по Никонову списку: громъ и молнія необыкновенныя, появленіе свѣтозарнаго столпа, чудесное не разъ возженіе свѣчи, благоуханіе отъ мощей.

31. Лѣтоп. по Ипатск. сп. стр. 150: «бѣ бо монастырь отца его и дѣда его Святослава». Сравни. тамже страп. 283. Въ рукописи Печерскаго патерика XVII-го вѣка также сказано, что Семеновскій монастырь былъ отца его и дѣда Святослава Ярославича, т. е. родовой монастырь черниговскихъ князей въ Кіевѣ.

32. Сравни. справедливыя о семъ предметѣ сужденія Д. И. Иловайскаго: Истор. Россіи, I, кіевскій періодъ, па стр. 225.

33. Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 256—257, подъ 1148 годомъ. Татищевъ, И. Р. II, 313—330.

34. Тамже, страп. 283, подъ 1195⁵ годомъ: «въ то же время Святославъ Ольговичъ перенесе мощи брата своего Игоря, отъ святаго Семена, изъ Конырева конца, въ Черниговъ, и положиша у святаго Спаса, въ теремѣ». Много было высказано догадокъ объ этомъ «теремѣ»: смотр. преосв. Филарета, Истор. статистич. опис. чернигов. епархіи, книг. V, стр. 32—34. Подъ нимъ понималась то башня соборная на сѣверозападномъ углу, то особая палата при соборѣ для торжественныхъ засѣданій по дѣламъ церковнаго управленія, съ особымъ придѣльнымъ храмомъ. Мы не считаемъ себя компетентными рѣшать этотъ спеціальнѣйшій вопросъ; но позволимъ себѣ принять болѣе

простое рѣшеніе его, именно въ томъ смыслѣ, что теремъ былъ навѣсъ, иначе сѣль или балдахинъ надъ мощами, какъ это прилично чествуемой святыни. сравн. выше примѣчаніе 7-е, гдѣ идетъ рѣчь о серебряномъ теремѣ надъ мощами въ Вышгородской церкви. (Сравн. въ журналѣ «Кіевская Старина» 1892 г. въ статьяхъ «По поводу 900-лѣтія Черниговской епархіи» и о «Михаилѣ II митрополитѣ кіевскомъ», въ книжкахъ за сентябрь и декабрь, мѣсяца по сему предмету, согласныя съ приведеннымъ нами).

О мѣсяцѣ и днѣ перенесенія мощей блаж. Игоря въ Черниговѣ источники не говорятъ. Не знаемъ, откуда архимандритъ Леонидъ заимствовалъ дату, саму по себѣ очень вѣроятную, о днѣ сего перенесенія именно 5-го іюня. (Смотр. его книжку «Святая Русь» на стран. 32). Кстати сказать: у того же почтеннаго автора говорится о празднованіи памяти св. князя Игоря 6 августа и перенесенія мощей 5 іюня. Не видимъ, какое основаніе для празднованія памяти св. Игоря въ 6-й день августа? Точно ли это свѣдѣніе?

35. Лѣтоп. по Ипат. сп. на стр. 292: «Святославъ не дожда велика дни, по пойдѣ въ понедѣльникъ святой педѣль, а по вторникъ родися у него сынъ, и нарекоша имя ему во святомъ крещеніи *Георгій*, а мірскли *Игорь*».

36. Одинъ проповѣдникъ, кажется близкій современникъ жизни Игоря Ольговича, въ одномъ словѣ такъ говорить: «съ вами же т. е. Антоніемъ и Феодосіемъ, честно ублажаемъ князя Игоря, пріемша честно мученіе, принесшаго жертву чисту Богу. Аще бо укаряюще кіане възложиша на нь честный черпорицьскій образъ, и въ томъ вѣсѣріа нетлѣнный вѣнецъ, но безъукорныя славы сподобиша ѐ, себѣ же муки вѣчныя». (Опис. рукописей Румянцев. музея, *Востокова*, на стран. 611, изъ сборника поучительныхъ словъ XV-го вѣка).

О времени прославленія блаженнаго Игоря смотр. замѣчанія преосв. *Макарія*, Истор. русск. церкви, т. III, стран. 77 и соотв. примѣчаніе, и у преосв. *Сергія*, Полный мѣсяцесловъ Востока, II, стран. 148—149; сравн. тамже I, прилож. 15, стран. 195.

Житія и сказанія объ Игорѣ Ольговичѣ суть слѣдующія.

Главный источникъ для нихъ—современная кievская лѣтопись, изложенная въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывается кончина Игоря, тономъ «сказанія»: лѣтоп. по Ипатск. сп. на стр. 247—250. На стр. 248-й можно замѣтить однако признаки не первой редакціи, а переработанной или сокращенной, такъ что изложеніе становится не очень складно. Въ лѣтописяхъ послѣдующаго времени разсказъ кievской лѣтописи по Ипатск. списку повторяется съ нѣкоторыми, конечно, варьяціями, съ сокращеніями или прибавками. Обрязки того мы уже видѣли въ сводѣ Татищева, въ книгѣ II, гдѣ кромѣ того особыя лѣтописи съ новымъ содержаніемъ; полезно также справляться со сводомъ *Арицышева*, Повѣствованіе о Россіи, т. I, стр. 98; 104 -- 106.

Въ Степенной книгѣ (ч. I, стр. 265—269) находится хорошо изложенное «*Страданіе* св. мученика кievскаго великаго князя Игоря Ольговича мученика». Почти дословно по нему, и по типу именно «страданій» изложено житіе Игоря въ Четвѣй Минеѣ Германа Тулузова, въ рукописи Троиц. Серг. Лавры подъ № 694; въ январской книгѣ Четвѣхъ Минеѣ Милотина подъ 5 числомъ, въ рукописи Моск. Синод. библіотеки; въ сборникѣ житій, рукописи поморской, въ Порѣцкомъ музеѣ графа Уварова подъ № 911, а по прежн. каталогу Царскаго № 136.

Особое изложеніе находимъ въ рукописномъ кievонечерскомъ Патерикѣ XVII-го вѣка (рукоп. Троиц. Серг. Лавр. подъ № 714-мъ), подъ заглавіемъ «*Повѣсть* о убіеніи блаженнаго и великаго князя Игоря Ольговича». Изложеніе въ существенномъ также по кievской лѣтописи; на концѣ читаемъ: «по семъ въ лѣто 6657 Святославъ пренесе мощи брата своего Игоря изъ Кіева съ великою честію отъ св. Симеона монастыря въ въ теремъ съ великою жалостію, и почитаху людие всѣ аки мученическая мощи, и покланяхуся имъ, славяще и благодаряще Бога» и проч.

О другихъ рукописныхъ и печатныхъ житіяхъ св. Игоря и источникахъ для его жизнеописанія справ. въ трудѣ преосв. *Сергія*, пол-

ный мѣсяцесловъ Востока, въ указанномъ прежде мѣстѣ. (Не знаемъ, что содержится въ указанныхъ у автора «Софійскихъ Минеяхъ» XIII вѣка подъ 11 іюля: житіе ли, или служба св. Игорю). Сравни также у г. Барсукова, Источники русской агиографіи, на стран. 211—215.

Изъ новыхъ пересказовъ житій блаж. Игоря лучшіе: въ Четвѣхъ Минеяхъ св. *Димитрія* ростовскаго подъ 5 іюня и въ книгѣ преосв. *Филарета* черниговскаго, Русскіе святые чтимые всею Церковію или мѣстно, также подъ 5 іюня.

Въ заключеніе этихъ длинныхъ примѣчаній (да проститъ насъ благосклонный читатель за эту длиноту) еще нѣсколько словъ о монашескихъ именахъ Игоря Ольговича. Въ одномъ синодикѣ Кіево-печерской Лавры между черниговскими князьями—схимниками называется «Игорь убійный» т. е. подъ мірскимъ его именемъ (Опис. рукопис. Румянц. муз. стр. 379); а въ синодикѣ Кіево-Николаевскаго монастыря межъ черниговскими князьями—схимниками нѣтъ Игоря, но есть имя князя—схимонаха *Игнатія*, на ряду съ княземъ Николю—святошей, Саввою, Филиппомъ и другими. (Тамже, 578). Не есть ли имя Игнатія схимонашеское имя Игоря Ольговича? Такъ склоненъ предполагать и г. Зотовъ, О черниговск. князьяхъ по любецкому синодику, на стран. 264. Тогда имена блаженнаго князя были бы слѣдующія: Игорь (мірское), Георгій (крещеное), Гавріилъ (монашеское), а Игнатій (схимонашеское)

U $\frac{318}{1110}$

БЛАЖЕННЫЙ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЪ,

КНЯЗЬ НОВГОРОДСЬВЕРСКИЙ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КІЕВСКИЙ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

А. М. Березикова.

Видъ г. Чернигова со Спаскимъ соборомъ.

ЧЕРНИГОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1893.

4062

22

Бм
9134

Печ. дозв.: 1893 г. 16 августа Г. Черниговъ. Цензоръ, инспекторъ классовъ и законо-
учитель епархіального женскаго училища, священникъ *Аввакумъ Тупатилевъ*.

2007059065

Роману Федоровичу Гранду - новгородская память.
8 февраля 1894. Н.И.И.И.

БЛАЖЕННЫЙ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧЪ,

КНЯЗЬ НОВГОРОДСВЕРСКИЙ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КИЕВСКИЙ.

I.

Назадъ тому пять лѣтъ вся Россія праздновала свой великій праздникъ: тогда исполнилось ровно девять вѣковъ со времени крещенія святаго князя Владиміра и его стольнаго города Кіева. У всѣхъ у насъ свѣжа память этого свѣтлаго общенароднаго празднества, этихъ торжественныхъ богослуженій въ храмахъ, съ теплыми молебствіями къ равноапостольному Просвѣтителю Россіи, этихъ многоядныхъ крестныхъ ходовъ къ рѣкамъ и озерамъ, на колодези и источники водные. При видѣ этихъ ходовъ, воображенію невольно рисовалась картина крещенія кіевлянъ; мысль обращалась къ далекому прошедшему, *туда*, на дивныя горы кіевскія, да къ широкому Днѣпру, послужившему купелью Руси въ тотъ свѣтлый кіевскій день, „когда была великая радость на небеси и на земли“, по выраженію прендобнаго лѣтописца. О славный день, о чудесное зрѣлище! Благодареніе Господу, что и насъ Опъ сподобилъ на юбилейномъ торжествѣ великаго событія ощутить долю той же радости духовной, какой исполнилъ былъ равноапостольный Владиміръ и первые христіане кіевскіе.

За общерусскимъ празднествомъ, какъ продолженіе его, идутъ мѣстныя: волынское, а нынѣ черниговское празднество. Въ 992 году, отъ великаго князя св. Владиміра и отъ кіевскаго митрополита Леонта въ Черниговъ былъ посланъ свой епископъ, именемъ Неофитъ: такъ было положено начало черниговской епископїи и утвержденію христіанства въ обширныхъ тогда предѣлахъ ея. Теперь, слѣдовательно, минуло девять вѣковъ бытія Черниговской епархіи. Теперь съ благодарною молитвой къ Богу она воспоминаетъ своихъ благовѣрныхъ князей, блаженныхъ епископовъ и всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, духовныхъ и мірянъ, которые потрудились для святаго христіанскаго дѣла въ краѣ. Да будетъ всеѣмъ имъ вѣчная память; намъ же да послужитъ ихъ жизнь назидательнымъ примѣромъ!

Въ честь блаженнаго князя Игоря Ольговича предложимъ рассказъ о его жизни и страдальческой кончинѣ. Онъ былъ изъ рода черниговскихъ князей, имѣлъ свою волость въ черниговской землѣ, именно Новгородъ сѣверскій, а пострадалъ въ Кіевѣ послѣ очень короткаго княженія въ немъ, и уже бывши въ санѣ инока. Изъ Кіева останки пренедобно-мученика князя были перенесены въ родной Черниговъ; здѣсь, со времени перенесенія ихъ, память князя Игоря читается, какъ святаго угодника Божія; и въ нашей епархіи, и въ другихъ епархіяхъ южной Россіи имя св. князя Игоря возносится въ молитвахъ на ряду съ именами святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, сыновей св. Владиміра.

Нашъ краткій рассказъ о блаженномъ Игорѣ Ольговичѣ будетъ изложенъ по старымъ лѣтописямъ, да по житіямъ его, да еще по немногимъ источникамъ, на которыя будемъ указывать въ примѣчаніяхъ, слѣдующихъ за рассказомъ, съ приведеніемъ небольшихъ выписокъ изъ источниковъ.

II.

Князь Игорь Ольговичъ жилъ и дѣйствовалъ въ первой половинѣ XII вѣка. Онъ былъ потомкомъ Рюрика въ восьмомъ колѣнѣ, праправнукомъ св. Владиміра, правнукомъ Ярослава Мудраго и внукомъ Святослава Ярославича, родоначальника всѣхъ Черниговскихъ князей.

Родители его были Олегъ Святославичъ, князь Черниговскій, позже Новгородсѣверскій, и супруга его, урожденная княжна половецкая, во свѣтомъ крещеніи Теофанія (1).

Игорь—это было княжеское мірское имя его; при свѣтомъ же крещеніи онъ получилъ имя Георгія. Съ этимъ послѣднимъ онъ значится въ черниговскихъ синодикахъ; южнорусская лѣтопись также свидѣтельствуетъ, что въ одномъ черниговскомъ селѣ, принадлежавшемъ Игорю Ольговичу, была церковь во имя святаго Георгія: очень вѣроятно, что эта церковь была построена имъ самимъ въ честь своего ангела (2).

Воспитанный родителями въ христіанскомъ законѣ молодой княжичъ былъ своевременно обученъ грамотѣ, по княжескому обычаю. Большинство князей того времени, не рѣдко также княгини и княжны, были грамотными; многіе сами занимались списываніемъ книгъ; иные успѣвали списать ихъ и собрать въ очень значительномъ количествѣ: такъ, папримѣръ, Ярославъ Мудрый, по свидѣтельству начальпой кіевской лѣтописи, собралъ многихъ писцовъ и много книгъ, самъ лично занимался перепискою ихъ, и всѣ собранныя книги сложилъ при Софійскомъ кіевскомъ храмѣ, на пользованіе духовенству и кіевскимъ жителямъ: это была древнѣйшая общественная библіотека въ стольномъ городѣ русскомъ. Его сынъ Святославъ, князь черниговскій, послѣ великій князь кіевскій, дѣдъ нашего блаженнаго князя, былъ также большимъ

любителемъ и собирателемъ книгъ: это доказываютъ два большіе сборника, для него составленные и посвященныя его имя (Святославовы „Изборники“); одинъ изъ ихъ переписчиковъ, увлеченный личностью князя, любителя книгъ, называетъ его даже новымъ „Птоломеемъ“. Да и всѣ вообще потомки Ярослава Мудраго унаслѣдовали его благородную любовь къ книжному чтенію; оттого князья были просвѣщеннѣйшими людьми своего вѣка, на ряду съ епископами, иноками и священниками, боярами и дьяками. Съ самой свѣжей любовью, да съ вѣрой въ спасительность для души читались тогда книги, то есть прежде всего священныя книги. „Великая польза бываетъ человѣку отъ книжнаго ученія, разсуждаетъ преподобный кіевскій лѣтописецъ: ибо книгами мы наставляемъ на путь покаянія, обрѣтаемъ въ нихъ мудрость и воздержаніе; онѣ какъ рѣки, напаяющія вселенную; въ нихъ неисчетная глубина, ими мы утѣшаемся въ печали, онѣ суть узда воздержанія; если прилежно будемъ искать въ нихъ мудрости, то найдемъ ее и получимъ пользу душѣ своей“. Тотъ же преподобный лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ своего превосходнаго труда слѣдующимъ образомъ говоритъ о постепенномъ умноженіи христіанскаго книжнаго просвѣщенія въ Руси. „Подобно тому, какъ кто нибудь распашетъ землю, другой же засѣетъ ее, а прочіе пожинаютъ и вкушаютъ пищу не скудную, было такъ и у насъ: Владиміръ, отецъ Ярослава, всахалъ и умягчилъ землю, то есть просвѣтилъ ее крещеніемъ; Ярославъ насѣялъ сердца вѣрныхъ людей книжными словесами, а мы уже пожинаемъ плоды книжнаго ученія“ (3). Такъ думалъ кіевскій лѣтописецъ, преподобный Несторъ, и многіе его современники, просвѣщенные христіане русскіе, новые люди, возрожденные Христовымъ ученіемъ.

Князь Игорь Ольговичъ принадлежалъ къ поколѣнію именно этихъ просвѣщенныхъ христіанъ, этихъ новыхъ людей, пожинав-

шихъ плоды книжнаго христіанскаго ученія, посѣяннаго Ярославомъ на приготовленной отъ св. Владиміра почвѣ.

О любви Игоря Ольговича къ книгамъ и къ церкви, объ его характерѣ также и наружности драгоцѣнныя черты сохранилъ для насъ одинъ современникъ ему лѣтописецъ, — не преподобный Несторъ, выше упомянутый, а пѣкто другой, по имени не извѣстный, по видимому, житель Владиміра Волынскаго, близко знакомый съ нашимъ княземъ, но не вполне къ нему расположенный. Вотъ что онъ пишетъ про него: „сей князь Игорь Ольговичъ былъ мужъ храбрый и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей и птицъ; былъ читатель книгъ и въ пѣніи церковномъ ученъ: мнѣ часто случалось вмѣстѣ съ нимъ пѣть въ церкви, когда онъ былъ во Владимірѣ. Ростомъ онъ былъ средній, сухощавъ, лицомъ смуглъ; волосы сверхъ обычая (т. е. княжескаго обычая) носилъ длинные, какъ священникъ, бороду же имѣлъ не большую, узкую“. Таково изображеніе характера и наружности благовѣрнаго князя, сообщаемое намъ отъ его современника, знакомаго съ нимъ! Не скроемъ здѣсь и не благопріятнаго отзыва объ Игорѣ Ольговичѣ того же лѣтописца. Онъ говоритъ про князя, будто онъ „мало почиталъ священническій чинъ и не хранилъ постовъ, за что мало былъ любимъ у народа. Егда же въ монастырѣ былъ подъ стражею, тогда прилежно уставы иноческіе хранилъ, но притворно ли себя показуя, или совершенно въ покаяніе пришелъ, сего не вѣмъ, но Богъ паче вѣсти совѣсти челоуѣкъ“ (4). Сколько здѣсь прямой правды, мы конечно не знаемъ. Одно твердо знаемъ: Единъ Богъ безъ грѣха; людямъ же свойственно ошибаться и грѣшиться, — говоримъ это также съ увѣренностью какъ про блаженнаго князя, такъ и про лѣтописца, о немъ судящаго; какъ разъ возможно, что послѣдній преувеличиваетъ недостатки князя Игоря Ольговича или по недоразумѣнію, или просто по личному нерасполо-

женію къ нему и къ его братьямъ Ольговичамъ. Тѣмъ дороже, тѣмъ достовѣрнѣе для насъ положительныя добрыя черты въ характерѣ благовѣрнаго князя; его любовь къ чтенію книгъ и къ церковному пѣнію, его личная храбрость, во многихъ случаяхъ дѣйствительно имъ оказанная на войнѣ. Вполнѣ вѣримъ и тому, что онъ былъ любителемъ охоты; въ тотъ вѣкъ охота на звѣрей и птицъ составляла любимое благородное развлеченіе князей и обычный прибыльный промыселъ всего населенія, благо что было много лѣсовъ, полныхъ всякаго звѣря и птицы; въ частности черниговскій край тогда былъ гораздо больше лѣсистымъ, чѣмъ теперь; въ черниговскихъ пущахъ тогда водились кромѣ обыкновенныхъ звѣрей еще туры и олени: было чѣмъ развлечься храбрымъ охотникамъ князьямъ!

Извѣстно по лѣтописи, что князь Игорь Ольговичъ былъ женатъ; но кто была его супруга,—русская ли княжна, или крещеная княжна половецкая, какъ была его мать, или какъ еще невѣства его, первая супруга младшаго брата его, Святослава Ольговича, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Равнымъ образомъ нѣтъ надежныхъ свѣдѣній о его дѣтихъ (5).

III.

Время, когда князь Игорь Ольговичъ выступилъ на поле дѣятельности, было не спокойное. Многочисленные потомки св. Владиміра много спорили между собой о томъ, кому владѣть Кіевомъ, старшимъ городомъ земли Русской. Справедливымъ казалось, чтобы старшій князь въ цѣломъ княжескомъ родѣ былъ государемъ и самаго старшаго города земли. Да и на самомъ дѣлѣ обыкновенно бывало, что по смерти одного великаго князя мѣсто его въ Кіевѣ занималъ слѣдующій за нимъ по старшинству князь, переходившій въ Кіевъ изъ Чернигова, или изъ Переяславля, или изъ Смоленска,

или изъ иного города. Жаль только, что не всегда точно соблюдался этотъ порядокъ. Не разъ случалось, что какой нибудь молодой да храбрый князь пачнегъ споръ за Кіевъ съ княземъ старше себя, но не столь храбрымъ и дѣятельнымъ, одолѣеть его и сидеть на княженъ въ Кіевѣ. Иной великій князь готовъ былъ передать свою власть сыну, либо брату, не справляясь, какой князь въ другихъ семействахъ есть старшій въ цѣломъ княжескомъ родѣ, и не совѣтуясь съ другими князьями, болѣе дальними родственниками. Кіевляне, то есть мѣстные бояре и дружина, городскіе и земскіе жители, соглашались переходить по наследству къ дѣтямъ великаго князя, если этотъ князь и его дѣти нравились имъ; въ противномъ случаѣ тѣ же кіевляне громко говорили: „мы не хотимъ переходить, какъ будто по наследству“. Такъ было въ Кіевѣ на старшемъ столѣ русскомъ. Въ княжествахъ Черниговскомъ, Смоленскомъ и прочихъ областныхъ княжествахъ было такъ же: и тамъ желали установить такой порядокъ владѣнія, чтобы старшій изъ мѣстныхъ князей получалъ и старшую, лучшую волость, то есть напримѣръ Черниговъ въ княжествѣ черниговскомъ; князь помоложе долженъ былъ получить и городъ по меньше, напр. Новгородъ Сѣверскій, или Путивль и проч. Но и въ областныхъ княжествахъ нерѣдко случалось, что младшіе братья не слушались старшихъ, племянники дядей, и насильно отнимали у нихъ волости. Бывало и такъ, что старшіе обидятъ младшихъ, дадутъ имъ слишкомъ малыя волости, или никакой не дадутъ: тогда обиженные возьмутся за оружіе, скажутъ старшимъ: „тенеѣ насъ Богъ разсудитъ съ вами“.

Къ этому прибавимъ, что въ княжескія дѣла постоянно входили совѣтники князей, ихъ бояре и дружина. Конечно, бывали добрые совѣтники, внушавшіе своимъ князьямъ миръ, умѣренность, справедливость, но бывали и не добрые, которые только ссорили

своихъ государей. Жители большихъ городовъ, какъ Кіева и Новгорода, также позволяли себѣ вмѣшиваться въ княжескія отношенія, стали договариваться съ князьями, на какихъ условіяхъ имъ владѣть, какимъ порядкомъ производить судъ, какія судебныя пошлины и доходы получать и т. п. При этомъ кіевляне всегда высказываютъ свою любовь къ князьямъ Мономахова рода, призываютъ ихъ къ себѣ княжить и всячески поддерживаютъ, готовы переходить подъ ихъ власть по порядку наследства отъ отца къ сыну. Иное дѣло—князья Черниговскіе: къ нимъ кіевляне очень не расположены, не охотно принимаютъ ихъ къ себѣ на княженіе, если кто нибудь изъ нихъ по родовому старѣйшинству имѣлъ право княжить въ Кіевѣ.

Замѣтимъ себѣ лучше это обстоятельство для исторіи блаженнаго князя Игоря Ольговича: въ Кіевѣ охотно встрѣчаютъ князей Мономаховичей, и сильно не расположены къ черниговскимъ Ольговичамъ.

Накопецъ во внутренія междукняжескія дѣла вмѣшивались сосѣди Русской земли: полики, угры, и особенно же половцы, кочевавшіе въ степи на украинѣ. Ихъ призывали иногда сами князья другъ противъ друга; чаще степняки отъ себя дѣлали набѣги на Русь, пользуясь княжескими распрями, жгли селенія, грабили скотъ и небогатое имущество сельчанъ, забирали въ плѣнъ ихъ самихъ,—и все это безнаказанно дѣлали до тѣхъ поръ, пока князья не помирятся между собой, и сообща не прогонятъ степныхъ разбойниковъ.

Таково было время, когда жилъ и дѣйствовалъ князь Игорь Ольговичъ! Тогда желали устроить порядокъ и внутренній миръ, но далеко не всегда въ томъ успѣвали: порядокъ слагался медленно, постепенно. Нужны были большія усилія, тяжелыя жертвованія, да историческія внѣшнія испытанія, чтобы могъ выра-

ботаться прочный внутренній порядокъ и прочная государственная власть. До этого было пока еще далеко въ XII вѣкѣ.

IV.

Скажемъ объ отцѣ и братьяхъ Игоря Ольговича и объ отношеніяхъ межъ братьями.

Отецъ его Олегъ Святославичъ—личность очень замѣтная среди князей того времени: мужественный, воинственный и суровый, онъ памятенъ своей превратной судьбой и частымъ нарушеніемъ внутренняго мира земли. Долгое время онъ домогался черниговскаго княжества, котораго не давали ему дяди, Ярославичи, и двоюродный братъ, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ: не разъ Олегъ брался за оружіе, но терпѣлъ неудачи на войнѣ, напримѣръ пораженіе на Нежатиной нивѣ (6); скитался то въ отдаленной Тмутро-кани, то въ предѣлахъ Греціи; воротясь въ Русь, онъ снова взялся за оружіе, неоднократно приводилъ половцевъ на черниговское княжество, въ качествѣ своихъ союзниковъ, причемъ позволялъ имъ грабежи и плѣненія. Олега очень строго осуждали за союзъ съ Половцами; про него говорили, что онъ „мечемъ ковалъ крамолу“; его прозвали вмѣсто Святославича „Гориславичемъ“, т. е. княземъ несчастливой, печальной памяти. Но справедливость требуетъ сказать, что Олегъ не безъ права домогался черниговскаго княжества: въ свое время въ Черниговѣ сидѣлъ его отецъ, значить Олегъ домогался вотчины. И онъ наконецъ достигъ своей цѣли, изгнавъ силой изъ Чернигова Владиміра Мономаха, и самъ сѣвъ на его мѣсто; но сидѣлъ на немъ не долго, вынужденный уступить его старшему брату, Давыду Святославичу. Въ 1097 году старшіе русскіе князья собрались на съѣздъ въ городъ Любечъ, на родину преподобнаго Антонія, старинный черниговскій городъ. „Зачѣмъ мы—говорили здѣсь

князя -- губимъ русскую землю, враждуя другъ съ другомъ? Зачѣмъ даемъ грабить ее Половцамъ? Будемъ отнынѣ единодушны, будемъ сообщъ соблюдать землю, и пусть каждый князь довольствуется своей вотчиной". Такъ разсудили князя и поцѣловали крестъ другъ другу на томъ, что каждый будетъ доволенъ своей вотчиной: Давыду Святославичу данъ Черниговъ, а Олегу—Новгородъ-Сѣверскій. Съ тѣхъ поръ Олегъ Святославичъ жилъ спокойнѣе, а въ послѣдній годъ жизни, вмѣстѣ съ Владиміромъ Мономахомъ и съ другими родственными князьями, праздновалъ общерусскій праздникъ,—братскій праздникъ мира и любви. Именно въ 1115 году, мая 1 дня, въ Вышгородѣ что подъ Кіевомъ, была освящена новая каменная церковь во имя св. князей—братьевъ Бориса и Глѣба; назавтра 2 мая въ эту новую церковь были перенесены мощи св. мучениковъ изъ прежней деревянной церкви въ томъ же Вышгородѣ. На торжествѣ перенесенія Мономахъ и Олегъ слегка поспорили вотъ по какому поводу: великій князь, Владиміръ Мономахъ, желалъ, чтобы мощи св. братьевъ были поставлены среди храма подъ особый серебряный навѣсъ („теремъ"), который имѣлъ быть выстроеннымъ на счетъ великаго князя; Олегъ же Святославичъ съ братомъ Давыдомъ желали поставить гробницы мучениковъ у правой стѣны храма, въ особомъ углубленіи („комарѣ"), въ томъ мѣстѣ, которое было намѣчено еще отцомъ ихъ, Святославомъ Ярославичемъ. (7). Но само собою разумѣется, что долго разногласить о такомъ дѣлѣ не приходилось: неприлично, неумѣстно было бы это въ торжественный праздникъ, у гробовъ св. мучениковъ; да и самый-то споръ Мономаха и Олега происходилъ собственно отъ великаго усердія ихъ обоихъ къ памяти св. мучениковъ князей: такой споръ не трудно было уладить. Митрополитъ и епископы, бывшіе на торжествѣ, предложили князьямъ рѣшить разногласіе жребіемъ, какъ особымъ видомъ суда

Божія. Положили два жеребья на престолѣ въ алтарѣ, Мономахъ и Олеговъ; вынулся жеребій Олега,—и тогда гробницы мучениковъ были поставлены въ стѣнномъ углубленіи церкви. Послѣ церковной службы слѣдовало богатое угощеніе отъ князей духовенству, боярамъ и всѣмъ людямъ: праздновали весело три дня, послѣ чего князья разѣхались въ полномъ согласіи и любви. Впослѣдствіи Владиміръ Мономахъ оковалъ гробницы св. Бориса и Глѣба золотомъ да серебромъ, равно и стѣнныя своды, подъ коими онѣ стояли. Такъ усердно чтили русскіе князья святыхъ братьевъ—мучениковъ! У ихъ гробницъ они сами живѣе чувствовали братскую любовь.

Вскорѣ послѣ вышгородскаго праздника скончался Олегъ Святославичъ (1 авг. 1115 г.), и погребенъ въ Черниговѣ, въ Спасскомъ соборѣ.

Его старшимъ сыномъ былъ Всеволодъ, среднимъ Игорь, нашъ блаженный князь, а младшимъ—Святославъ. Отъ этихъ сыновей Олега всѣ потомки ихъ, да и всѣ вообще черниговскіе князья стали называться Ольговичами. Будучи вотчинниками роднаго княжества черниговскаго, они не отказывались и отъ владѣнія Кіевомъ, когда находили, что кто нибудь изъ нихъ по родовому старшинству имѣетъ на то право: „вѣдь мы одяго отца дѣти“, говаривали Ольговичи Мономаховичамъ, то есть имѣемъ-де общаго родоначальника съ вами. Да и Днѣпръ не такая граница, чтобы рѣзко раздѣлять черниговскую область и кіевскую: на дѣлѣ выходило, что Днѣпръ скорѣе сближаетъ Черниговъ съ Кіевомъ, чѣмъ раздѣляетъ; къ Кіеву течетъ и главная рѣка черниговской области Десна, впадающая въ Днѣпръ подъ самымъ Кіевомъ.

Всеволодъ Ольговичъ, старшій изъ братьевъ, былъ князь предприимчивый, ловкій и изворотливый, но притомъ не искренній,

непрямой человекъ. Онъ насильственно завладѣлъ Черниговомъ, изгнавъ оттуда дядю Ярослава Святославича, умертвивъ вѣрныхъ бояръ его и пограбя ихъ дома; не довольствуясь этимъ владѣніемъ, онъ хотѣлъ получить себѣ еще Кіевъ, и дѣйствительно получилъ его, изгнавъ оттуда опять также силой Мономахова сына Вячеслава. При этомъ случаѣ Всеволодъ обѣщалъ брату Игорю Ольговичу посадить его въ Черниговъ на все мѣсто, но не сдержалъ слова, посадилъ въ немъ двоюроднаго брата, Владиміра Давыдовича. Вотъ первая обида князю Игорю отъ роднаго брата, отъ великаго князя кіевскаго! Дѣлалъ это Всеволодъ Ольговичъ въ своихъ особыхъ видахъ: хотѣлъ ссорить родныхъ братьевъ съ двоюродными, чтобы себѣ самому извлекать выгоды изъ ихъ пеладовъ. Въ то же время великій князь, враждовалъ съ одними Мономаховичами, заискивалъ у другихъ, именно у Изяслава Мстиславича, внука Мономахова, князя весьма храбраго, предприимчиваго и во всѣхъ отношеніяхъ даровитаго, который при томъ же былъ родной братъ супруги Всеволода. Онъ дѣйствительно приобрѣлъ на свою сторону Изяслава Мстиславича: зять и шуринъ жили по большей части въ ладахъ; Изяславъ и княжескій свой столъ имѣлъ не подалеку отъ Кіева, именно въ Переяславлѣ. Союзъ сильнѣйшаго Ольговича и даровитѣйшаго Мономаховича былъ благотворенъ для общаго земскаго мира и выгоденъ лично для нихъ.

За то родные братья великаго князя, Игорь и Святославъ Ольговичи не были имъ довольны; они чувствовали себя обиженными тѣмъ, что не получили отъ него ни Чернигова, ни Переяславля, тѣмъ, что лучшія волости вокругъ Кіева онъ предоставлялъ своему сыну да женинымъ роднымъ. Братья говорили съ неудовольствіемъ про великаго князя, роднаго старшаго брата: „нашъ братъ великій князь имѣетъ любовь со Мстиславичами, со

своими шурьями, а съ нашими врагами, посажалъ ихъ вокругъ себя на безголовье памъ, да и себѣ на безмѣстѣ“. Пробовали они насильно отнять въ свою пользу Переяславль, неоднократно нападали на городъ и волость переяславскую, но не имѣли успѣха, только разсердили своего брата и его шуряна; подѣ копецъ младшіе Ольговичи должны были не-хотя остаться при тѣхъ мало значительныхъ волостяхъ, которыя, въ прибавку къ ихъ кореннымъ вотчинамъ были предоставлены имъ отъ великаго князя (8).

Между собою Игорь и Святославъ Ольговичи жили всегда въ наилучшихъ, истинно братскихъ отношеніяхъ: взаимная любовь и общая обида отъ старшаго брата все больше сближали ихъ; единственнымъ другомъ, всегда вѣрнымъ и неизмѣняемымъ для Игоря Ольговича только и былъ, что младшій его братъ, Святославъ. Впрочемъ и къ старшему брату, къ великому князю, Игорь Ольговичъ остался въ отношеніяхъ обычно почтительныхъ, почти всегда ходилъ въ его волѣ, успѣшно дѣлалъ по его приказанію далекіе воинскіе походы, какъ-то: въ Галицкую землю и въ Польшу. Съ своей стороны великій князь пожелалъ наконецъ оказать Игорю Ольговичу нѣкоторое расположеніе: онъ обѣщалъ ему передать свою великокняжескую власть въ Кіевѣ; онъ дѣйствительно объявилъ свою волю насчетъ паслѣдованія великокняжескаго стола князьямъ и кіевлянамъ, а послѣднихъ заставилъ дать присягу въ томъ, что по кончинѣ его они признаютъ брата его, Игоря, въ достоинствѣ великаго князя (9).

Но одво дѣло—обѣщать, а другое—вѣрно обезпечить исполненіе обѣщанія. Положимъ, великій князь Всеволодъ Ольговичъ обѣщалъ: но искренно ли согласились князья и кіевляне на признаніе Игоря великимъ княземъ? Исполнять ли они на самомъ дѣлѣ волю великаго князя прежняго и вновь назначаемаго? Сдер-

жаты ли даже присягу свою кїевляне? Вотъ вопросы, которые естественно возникали для Игоря Ольговича и брата его Святослава, для ихъ дружины и для немногихъ искреннихъ приверженцевъ Ольговичей въ Кіевѣ.

Событія не замедлили дать отвѣтъ на сомнительные вопросы. Оказалось, что искренняго согласія на распоряженіе Всеволода Ольговича не было ни у князей, ни у кїевлянъ; оказалось, что одной воли великаго князя было еще недостаточно для того, чтобы она сбылась на самомъ дѣлѣ. Желанія князей Ольговичей вовсе не исполнились; дѣло кончилось полнымъ несчастіемъ для Игоря Ольговича.

Глядя на все это дѣло издалека, по завершеніи событій, и вспоминая печальную судьбу блаженнаго Игоря въ Кіевѣ, новольно скажешь теперь: „лучше было бы ему не вступать въ этотъ шумный Кіевъ, на эту скользкую дорогу добыванія великокняжескаго стола: вѣдь ему приходилось именно „добывать“ его съ усиліями, а не то, чтобы спокойно наследовать“. Такъ думается по человѣчески, да послѣ уже совершенія всѣхъ событій. Но Промыслъ Божій судилъ иную дорогу, иную послѣднюю цѣль для князя Игоря Ольговича.

V.

Великій князь Всеволодъ Ольговичъ, послѣ семилѣтняго княженія въ Кіевѣ, скончался 1 августа 1146 года въ Вышгородѣ, гдѣ и погребенъ въ церкви св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Вслѣдъ за тѣмъ князь Игорь Ольговичъ, отдавъ послѣдній христіанскій долгъ почившему брату, вступилъ на другой же день послѣ кончины Всеволода въ Кіевъ, вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ и съ дружиной. Новый великій князь начинаетъ дѣйствовать безъ промедленія, рѣшительно: онъ оцѣняется на выра-

женную волю покойнаго брата и на данную кіевлянами присягу; его дѣло было правое.

Прежде всего великій князь созвалъ лучшихъ кіевскихъ людей на вѣче, на Ярославовъ дворъ, и потребовалъ отъ нихъ новой присяги на вѣрность себѣ, что и было исполнено призванными лучшими людьми Кіева. Не много времени спустя, въ тотъ же самый день стало собираться другое вѣче въ шюмъ во обычюмъ мѣстѣ, у такъ называемой Туровой божницы, на этотъ разъ по собственной волѣ вѣчниковъ: такое вѣче было уже не правильное, незаконное. Собравшіеся люди послали сказать великому князю, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ на вѣче. Игорь Ольговичъ не отказался выслушать желанія и этого новаго вѣча кіевлянъ; онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ къ вѣчу вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ; не много не доѣзжая до Туровой божницы, великій князь остановился, нашелъ приличіе выслать для переговоровъ съ участниками вѣча своего брата, а самъ сталъ дожидаться его возвращенія.

Когда Святославъ Ольговичъ подѣхалъ къ вѣчу и спросилъ, чего тамъ желаютъ, то получилъ въ отвѣтъ жалобу на несправедливыхъ тіуновъ покойнаго великаго князя и требованіе смѣстить ихъ съ должности тіупекой: „Ратша разорилъ поборами весь Кіевъ, а Тудоръ разорилъ Вышгородъ, такъ говорили кіевляне; цѣлуй намъ крестъ, княже Святославе, за великаго князя и за себя, что вы сами будете давать управу и судъ въ нашихъ обидахъ“. Князь отвѣчалъ: „цѣлую крестъ и за брата моего, что никакой обиды на судъ вамъ не будетъ; тіунъ будетъ вамъ поставленъ иной“ (10).

Съ этими словами Святославъ Ольговичъ сошелъ съ коня и поцѣловалъ крестъ; въ свою очередь кіевляне также сходили съ коней и цѣловали крестъ на томъ, что всѣ они и съ дѣтьми

будутъ вѣрны великому князю Игорю и брату его: „теперь вы—наши князья“, говорили они, по видимому, съ удовольствіемъ Святославу. Послѣ крестоцѣлованія младшій князь съ нѣсколькими представителями вѣча подѣхалъ къ великому князю и сказалъ: „брате! я цѣловалъ къ нимъ крестъ на томъ, что тебѣ судить ихъ по правдѣ, да любить ихъ“. Въ отвѣтъ великій князь крестнымъ же цѣлованіемъ подтвердилъ всѣ обѣщанія брата, и вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ обѣдать: была уже пора пообѣдать послѣ всѣхъ этихъ переговоровъ на двукратномъ вѣчѣ.

Казалось, кіевляне теперь должны были спокоинными: новый великій князь торжественно обѣщалъ исполнить ихъ желанія, „цѣловалъ крестъ на всей волѣ ихъ“, говоря по тогдашнему. Однако кіевскіе вѣчники не успокоились; они не удовольствовались уступками, имъ сдѣланными отъ великаго князя; они захотѣли сами управиться съ ненавистнымъ тиуномъ Ратшей, тотчасъ же съ вѣча устремились къ его двору, разграбили его, затѣмъ пограбили дворы другихъ княжихъ людей, имъ непріятныхъ („мечниковъ“, младшихъ членовъ княжеской дружины): это былъ уже мятежный самосудъ толпы! Великій князь выслалъ брата съ дружиной,—и тотъ съ трудомъ укротилъ своевольную толпу вѣчниковъ (11).

Такъ прошелъ первый день княженія въ Кіевѣ великаго князя Игоря Ольговича! Начало непріятное, но обѣщавшее много добраго. Великій князь былъ оскорбленъ; можетъ быть онъ выразилъ угрозу наказать зачинщиковъ мятежа; вѣрно то, что новые судьи, имъ поставленные, были непріятны кіевскому народу, казались ему не лучше прежнихъ: тогда кіевляне, сочтя великаго князя нарушившимъ свое обѣщаніе, немедленно послали въ Переяславль къ Мономахову внуку, Изяславу Мстиславичу, приглашеніе занять великокняжескій столъ въ Кіевѣ.

Народная толпа легкомысленна и переменчива: сегодня цѣлуетъ крестъ, завтра по малому неудовольствію готова забыть присягу. Болѣе удивительно, что даже бояре кіевскіе не стѣснялись присягой вѣрности, не разъ данною Игорю Ольговичу: или они считали ее данною по неволѣ? Напрасно великій князь оказывалъ имъ все знаки расположенія, обладеживалъ ихъ той же мпlostью, какой они пользовались отъ покойнаго великаго князя; онъ призвалъ знатнѣйшихъ бояръ Улѣба и Ивана Влітишича и сказалъ имъ: „какъ вы были у брата моего, такъ будете и у меня“; Улѣбу же прибавилъ: „держи тысячу, какъ у брата моего держалъ“, — все было напрасно: бояре на словахъ обѣщали вѣрность, а на дѣлѣ свосились съ Ізяславомъ Мстиславичемъ, настраивали жителей Кіева и всехъ городовъ кіевскихъ въ пользу Ізяслава, противъ Игоря. Мѣтисець прямо называетъ кіевскихъ бояръ зачищниками всему злу (12).

Ізѣва созрѣвала вокругъ великаго князя; онъ догадывался о ней, но не зналъ вѣхъ ея размѣровъ. Онъ обратился къ князьямъ другихъ городовъ: въ первый же день вокняженія въ Кіевѣ онъ отправилъ посла къ Ізяславу Мстиславичу съ увѣдомленіемъ о кончинѣ брата, о своемъ вокняженіи, съ вопросомъ: „стоишь ли ты въ крестномъ цѣлованіи“? Ізяславъ не далъ отвѣта и задержалъ посла. Великій князь обратился къ двоюроднымъ братьямъ, Владиміру и Ісиславу Давыдовичамъ, князьямъ черниговскимъ: „стоите ли, братья, въ крестномъ цѣлованіи“? Тѣ стали приращивать новыхъ волостей, стали торговаться съ великимъ княземъ: онъ на все соглашался; тогда Давыдовичи еще разъ цѣловали крестъ Игорю Ольговичу на томъ, что признаютъ его въ достоинствѣ великаго князя, и будутъ помогать ему войскомъ. Съ своей стороны черниговскій владыка Онуфрій объявилъ пресвитерамъ, чтобы они внушали всемъ людямъ о святости присяги, о тяж-

комъ грѣхѣ нарушенія ся: “аще кто сего крестнаго цѣлованія сосгупитъ, да будетъ проклятъ Господскимъ 12 праздникомъ”, — такъ выражаетъ тогдашняя лѣтопись клятву черниговскаго владыки (13). Оказалось однако, что на Черниговскихъ князей и населеніе нельзя было надѣяться: Давыдовичи были князья очень своекорыстные и не твердые въ словѣ. Игорю Ольговичу оставалась одна твердая надежда, поглѣ Господа Бога, это — надежда на брата Святослава Ольговича; съ нимъ онъ рѣшилъ защищать свою правду съ оружіемъ въ рукахъ; у нихъ была собственная дружина; они притомъ имѣли нѣкоторую надежду на помощь кievскихъ бояръ: нѣкоторые изъ нихъ, правда не многіе, были преданы Ольговичамъ; изъ приличія, да изъ благородной гордости Игорь Ольговичъ и братъ его если не вполнѣ довѣряли, то давали по крайней мѣрѣ видъ, что довѣряютъ даже тысяцкому Улѣбу и Ивану Войтишичу, и что во всякомъ случаѣ не боятся ихъ (14).

Между тѣмъ удалой переяславскій князь не терялъ времени; онъ привыкъ руководиться въ своей жизни правиломъ: „не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова идетъ къ мѣсту“; онъ рѣшилъ добывать Кіева, благо что кievляне настойчиво звали его. То и дѣло они говорили Мономахову внуку: „пойди къ намъ, княже, мы хотимъ тебя; мы не хотимъ переходить къ Ольговичамъ, какъ бы по наслѣдству; гдѣ только увидимъ твой стягъ, тамъ и мы готовы стать подъ него“. Благословящъ у переяславскаго владыки Евфимія, князь Изяславъ выступилъ въ походъ; на пути войско его постоянно увеличивалось; види все возрастающую силу свою, Изяславъ Мстиславичъ одушевился и говорилъ: „братья! Всеводода я почиталъ какъ зятя, какъ старѣйшаго себя, по правдѣ; а съ этими младшими Ольговичами да поможетъ мнѣ Богъ урavitся: либо голову свою сложу, либо добуду столъ своего отца и дѣда“! Рѣчь его была любя дружинѣ и войску.

Августа 13 дня 1146 года онъ подступилъ подъ самый Кіевъ. Игорь и Святославъ Ольговичи встрѣтили его, дали ему битву, но потерѣли пораженіе: мѣстность была очень неудобная для сраженія, такъ что великій князь не могъ развернуть какъ слѣдуетъ свое войско. А главное: кіевляне, предводимые Ульбомъ и Войтишичемъ измѣнили въ рѣшительную минуту, перешли на сторону Изяслава Мстиславича. Пораженные спасались бѣгствомъ: Святославъ Ольговичъ ушелъ за Днѣпръ на устье Десны; великій князь Игорь Ольговичъ въ пылу и въ сумятицѣ битвы заѣхалъ въ Дорогожичское болото: здѣсь конь его завязъ; самъ онъ не могъ нигуда спастись: онъ не могъ ходить, будучи боленъ погами. Черезъ четыре дня найденный въ болотѣ, едва живой отъ голода да утомленія, онъ былъ приведенъ предъ Изяславъ Мстиславича, новаго великаго князя, торжественно встрѣченнаго всѣмъ Кіевомъ: Изяславъ приказалъ отправить Игоря въ заключеніе въ Выдубицкій монастырь, а потомъ переправить въ Переяславль, и заключить тамъ въ каменную темницу въ монастырѣ св. Іоанна. (15).

Столь печально окончилось княженіе Игоря Ольговича въ Кіевѣ, длившееся меньше двухъ недѣль: съ престола и съ поля битвы онъ перешелъ прямо въ темницу!

Мы видѣли, какъ трудно съ перваго разу было его положеніе въ Кіевѣ. Онъ вступилъ туда съ сознаніемъ правоты своего дѣла, и все время дѣйствовалъ въ сознаніи этой правоты своей; онъ готовъ былъ исполнить справедливыя желанія кіевлянъ: ему было, конечно, очень не желательно съ перваго же дня вступить въ разладъ съ ними; но и уступки, сдѣланныя имъ, не помогли дѣлу. Игорь Ольговичъ не нашелъ любви у кіевлянъ, не успѣлъ предупредить заговора ихъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ; выступилъ на битву съ соперникомъ, но потерѣлъ полное пораженіе, когда измѣна кіевлянъ окончательно обнаружилась. Коренная всему

причина была въ томъ, что въ Кіевѣ нелюбили князей Ольговичей; при этой нелюбви что значила присяга, что значили всѣ усилія великаго князя и его брата?

VI.

Итакъ Игорь Ольговичъ — плѣнникъ! Его крѣпко стерегутъ въ темницѣ въ Переяславлѣ; онъ сразу оторванъ отъ всей жизненной дѣятельности; только отъ сторожей онъ кое-что иногда узнаетъ, что дѣлается за предѣлами его тюрьмы, тамъ, въ Кіевѣ и Черниговѣ. А тамъ началась длинная жестокая усобица князей, поборовавшихъ то за Игоря, то больше за свои собственные интересы; усобица поднялась во всей Руси.

Какъ было сказано, Святославъ Ольговичъ съ поля битвы благополучно спасся за Днѣпръ. Прибывъ въ Черниговъ, по пути въ Новгородъ-Сѣверскій, онъ прежде всего спросилъ князей Давыдовичей, будутъ ли они сохранять союзъ, недавно подтвержденный: князья черниговскіе отвѣчали согласіемъ. Они даже сдѣлали представленіе новому великому князю въ пользу Игоря Ольговича, просили освободить его изъ заключенія. Изяславъ Мстиславичъ далъ уклончивый отвѣтъ: онъ освободитъ своего плѣнника, если черниговскіе князья дадутъ ему ручательство въ томъ, что Игорь не будетъ ничего домогаться, а удовольствуется только своими вѣлостями. Тогда черниговскіе Давыдовичи стали передумывать; они разсудили, что для нихъ нѣтъ выгоды стараться за Игоря Ольговича, что для нихъ выгоднѣе держаться стороны сильнаго великаго князя кіевского, вмѣстѣ съ нимъ начать войну противъ Святослава Ольговича, и подѣлить между собою вѣлости его и Игоревы. Съ своей стороны Святославъ рѣшилъ искать союзниковъ: нѣжный братъ и князь мужественный, съ хотѣлъ во что бы то ни стало освободить Игоря, защитить свои и его владѣнія

отъ захватившихъ двоюродныхъ братьевъ. Онъ обратился чрезъ посла къ суздальскому князю, Юрію Владиміровичу Долгорукому, съ такою рѣчью: брате! Богъ взялъ моего старшаго брата Всеволода, а Игоря захватилъ Изяславъ. Помилосердуй о мнѣ, пойдѣ въ Русскую землю, бери себѣ Кіевъ у племянника, и освободи брата моего Игоря: Я буду вѣрнымъ тебѣ помощникомъ“. Юрію Долгорукаго убѣждать долго не приходилось: онъ и самъ былъ недоволенъ, что племянникъ его, Изяславъ, мимо родового старшинства, взялъ себѣ великокняжескую власть; онъ рѣшилъ добывать Кіевъ въ свою пользу, и потому принялъ союзъ Святослава Ольговича, поцѣловалъ ему крестъ между прочимъ и на томъ, что будетъ стараться объ освобожденіи Игоря. Съ своей стороны Изяславъ Мстиславичъ соединился съ Черниговскими князьями, и оказывалъ имъ помощь въ войнѣ противъ Святослава Ольговича: союзники взяли Путивль, потомъ Новгородъ-Сѣверскій, воевали еще села Игоря и Святослава, забирали княжеское имущество, какое попадало подъ руку: людей, стада, хлѣбъ; опустошали кладовыя и погреба, не щадили даже княжескихъ церквей, — грабили церковныя вещи (16). Не будучи въ силахъ одинъ сопротивляться врагамъ, Святославъ Ольговичъ бѣжалъ съ нихъ: взявъ свое семейство, равно и невѣстку, супругу Игоря, онъ удалился въ лѣвную сторону, въ землю вятичей, а потомъ дальше, къ предѣламъ Суздальской страны, чтобы ближе быть къ союзнику, Юрію Долгорукому, который не сразу могъ водать помощь Святославу Ольговичу, такъ какъ самъ былъ занятъ дѣломъ съ князьями рязанскимъ и Смоленскимъ, да съ Новгородомъ, союзниками великаго князя Кіевского. При личномъ свиданіи Юрія и Святослава въ Москвѣ (16) союзъ былъ подтвержденъ.

Но судьба Игоря Ольговича рѣшительно перемѣнилась до прихода въ южную Русь Юрія Долгорукаго, даже еще до этого сви-

данія его съ княземъ Святославомъ Ольговичемъ. Пусть люди хлопочутъ о немъ одни искренно, другіе своекорыстно; пусть другіе дѣйствуютъ противъ него, какъ враги,—Игорю Ольговичу все равно: онъ пересталъ принадлежать міру.

Заключенный въ монастырскомъ порубѣ, онъ сильно заболѣлъ; еще больше онъ страдалъ въ первое время душой. „Въ самомъ дѣлѣ было отъ чего страдать: недавно великій князь, а теперь узникъ! Любимый братъ, несчастная супруга испытываютъ преслѣдованія враговъ; волости опустошены, имѣніе пограблено. Въ одиночествѣ темницы ему живо вспоминается вся прошлая жизнь: счастливая юность въ родительскомъ теремѣ, въ прекрасномъ Новгородѣ Сѣверскомъ, а потомъ несчастія послѣдующей жизни по кончинѣ отца: неисполнившіяся надежды, горькія разочарованія, оскорбленія и несправедливости отъ людей. Гспоминаются собственные заблужденія и грѣхи: гнѣвъ, вражда съ князьями; сердце говоритъ, что все случившееся есть Божеское наказаніе за грѣхи. И въ ту же минуту, вѣлѣдъ за покаяніемъ, въ сердце сходитъ благодать небеснаго мира, усиливается расположеніе къ молитвѣ, къ жизни съ Богомъ, Который есть единственное невзмѣнное благо души. Надобно покориться Его всеблагой волѣ, съ терпѣніемъ переносить несчастія жизни; за терпѣніемъ послѣдуетъ спасеніе и наслажденіе безконечныхъ благъ Царства Небеснаго. И что передъ этими благами земная жизнь съ ея невѣрными радостями? Право, лучше отказаться отъ этой жизни, и начать жить всецѣло для Бога въ тишинѣ святаго монастыря! Премудро поступилъ двоюродный братъ, Святославъ—Никола Давидовичъ, отказавшись отъ міра, вступивъ смиреннымъ инокомъ въ Печерскій монастырь (18)“. Такъ примѣрно размышлялъ съ собой благовѣрный князь въ одиночествѣ заключенія! И прежде онъ испытывалъ силу молитвы; теперь же, въ темницѣ, онъ особенно сталъ

испытывать ее спасительную силу, пользоваться ею для своего подкрѣпленія. И вотъ въ сердцѣ его созрѣло рѣшительное намѣреніе отказаться отъ міра, отъ всѣхъ пожеланій власти и почестей, и принять иночество. Въ концѣ 1146 года, приблизительно въ ноябрѣ или декабрѣ, онъ послалъ сказать къ великому князю Изяславу Мстиславичу въ Кіевъ.

— „Брате, я сильно болѣю. Молю тебя, господине мой, сотвори миѣ милостивую любовь свою, исполни желаніе сердца моего: вели постричь меня во святой иноческій образъ, да плачусь грѣховъ моихъ, и да не вижу смерти моего любимого брата, Святослава Ольговича. И еще и прежде, во время княженія, имѣлъ мысль о постриженіи (19)“.

Великій князь, по видимому, былъ удивленъ этимъ неожиданнымъ прошеніемъ. Онъ съжалился надъ своимъ несчастнымъ племянникомъ, и послалъ ему отвѣтъ чрезъ одного боярина своего: „если у тебя была мысль о постриженіи, то ты воленъ въ ней; я же и безъ того освобождаю тебя, ради болѣзни твоей“. Чуть живой Игорь Ольговичъ былъ выведенъ изъ поруба въ одну изъ монастырскихъ келій; цѣлую недѣлю онъ находился въ самомъ опасномъ положеніи, не могъ ни ѣсть, ни пить; только на восьмой день „Богъ воротилъ ему душу“, по выраженію лѣтописца. Оправясь отъ тяжелой болѣзни, Игорь Ольговичъ не колебался исполнить свое намѣреніе, и принялъ иноческое постриженіе изъ рукъ переяславскаго владыки Евфимія.

Это было въ навечеріе Богоявленія Господня, 5 января 1147 года (20).

Вскорѣ послѣ того князь—инокъ былъ переведенъ въ Кіевъ, въ монастырь св. Феодора. Здѣсь онъ принялъ еще схиму, и сталъ жить, прилежно храня иноческіе уставы. Такъ рѣшительно покончилъ съ міромъ блаженный князь! Но міръ и въ монастырѣ

не давалъ ему покоя; міръ безпощадный и суровый не довѣрялъ искренности его отреченія, и готовилъ ему послѣднее тягчайшее зло.

Переходимъ къ описанію кончины его.

Святославъ Ольговичъ съ помощію Юрія Долгорукаго поправилъ свои дѣла, возвратилъ свои владѣнія. И теперь онъ продолжалъ питать надежду освободить брата своего, плена: можетъ быть онъ думалъ улучшить судьбу его, предоставя ему болѣе свободную жизнь, хотя бы и въ сапѣ плена, но подѣ своимъ братскимъ попеченіемъ, въ одномъ изъ ближайшихъ къ себѣ монастырей, а не подѣ надзоромъ кіевского великаго князя, среди враждебнаго Кіева: любящій братъ естественно питалъ такіа надежды; онѣ и дѣйствительно могли сбыться при благопріятныхъ условіяхъ, напримѣръ при вѣкняженіи въ Кіевѣ Юрія Долгорукаго. Но вмѣшались въ дѣло черниговскіе князья Давыдовичи, и все его испортили, загубили Игоря Ольговича. Видя, на чью сторону сталъ склоняться усиѣхъ, они вступили въ сношенія съ княземъ Святославомъ, предложили ему союзъ противъ великаго князя, и даже планъ захватить его самого вмѣсто Игоря. Коварные Давыдовичи вели двойную игру: тайно переговаривались съ двоюроднымъ братомъ, а наружно оставались союзниками великаго князя, который въ это самое время, а въ томъ 1147 года, выступилъ съ своей дружиной изъ Кіева на помощь Давыдовичамъ противъ Юрія и Святослава, вопреки совѣту кіевлянъ, предостерегавшихъ его отъ дружбы съ Давыдовичами, и рѣшительно не хотѣвшихъ воевать противъ Юрія, противъ сына Мономахова! Великій князь впору узнать о коварныхъ замыслахъ Давыдовичей; онъ былъ порожень, возмущень; онъ тотчасъ отправилъ въ Черниговъ своего боярина Улѣба обличить черниговскихъ князей въ глаза, бросить предѣ ними крестоцѣловальныя грамоты, что бояринъ и исполнилъ буквально по приказу. Въ то же время Изяс-

славъ Метиславичъ увѣдомилъ обо всемъ кїевлянъ,—и тогда вотъ что произошло въ Кїевѣ.

Отъ мала и до велика, по выраженію современнаго лѣтописца, кїевляне сошлись на вѣче на дворѣ св. Софіи, и расположились въ обычномъ для вѣчевыхъ собраній порядкѣ: на вѣчѣ присутствовали на этотъ разъ князь Владиміръ Метиславичъ, братъ великаго князя и наместникъ его за время отсутствія, да митрополитъ Климентъ (21), сверхъ обычной главы вѣча, то есть кїевского тысяцкаго. Выступилъ впередъ посолъ великаго князя (22), передалъ поклоны его сначала князю Владиміру, потомъ владыкѣ Клименту, потомъ тысяцкому Лазарю и всѣмъ кїевлянамъ. Затѣмъ посолъ держалъ рѣчь отъ лица великаго князя „И едумалъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ (смоленскимъ), да съ Владиміромъ и Изяславомъ Давыдовичами идти на своего дядю, на Юрія. И насъ приглашалъ въ походъ, но вы миѣ отказали: не можемъ-де поднять рукъ на Володимірово племя, на Юрія, а на Ольговичей хотѣ съ дѣтьми готовы идти за тобой. Теперь объявляю вамъ, братья: цѣловавшіе миѣ крестъ Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, да Святославъ Всеволодовичъ, которому я много добра сдѣлалъ, (членинникъ по сестрѣ), нынѣ тайно цѣловали крестъ Святославу Ольговичу, да ссылаются съ Юріемъ на мое лихо, хотѣли либо схватить меня, либо убить про Игоря. Но Богъ меня заступилъ и крестъ честный, который миѣ цѣловали. Теперь, братья мои кїевляне, исполните что вы хотѣли: идите къ Чернигову на Ольговичей, наряжайтесь все отъ мала до велика: кто имѣетъ коня, пусть ѣдетъ на конѣ; у кого нѣтъ коня, пусть плыветъ въ ладѣ. Знайте, что враги хотѣли не меня одного убить, но и насъ всѣхъ искоренить“.

Кїевляне въ одинъ голосъ отвѣчали: „ради, что Богъ избавилъ князя и насъ отъ великой лести; готовы идти и съ дѣтьми за

княземъ!“ Вслѣдъ за тѣмъ возвысиль голосъ одинъ изъ участниковъ вѣча и повелъ такую рѣчь: „мы готовы идти за княземъ, по воть о чемъ подумаемъ: въ прежніе годы, при великомъ князѣ Изяславѣ Ярославичѣ, нѣкоторые недобрые люди высвободили изъ поруба князя Всеслава, и тѣмъ причинили много зла нашему городу; Игорь же, врагъ нашего князя и нашъ общій врагъ, теперь живетъ не въ порубѣ, а на свободѣ въ монастырѣ; намъ прежде надобно покончить съ нимъ, а потомъ уже идти къ Чернигову.“ (23).

Эта злобная циническая рѣчь произвела страшное возбужденіе. Толпа тотчасъ повалила къ монастырю св. Теодора, бывшему не подалеку отъ Софійскаго собора, въ томъ же старомъ Кіевѣ. Напрасно говорилъ народу князь Владиміръ Мстиславичъ: „братъ мой, князь великій, не велитъ вамъ дѣлать зла Игорю, пусть по прежнему его блюдутъ сторожа, а ваше дѣло — собираться въ походъ“. Напрасно увѣщавали также митрополитъ Климентъ, тысяцкій Лазарь и Рагуиль, тысяцкій Владиміровъ; народъ не слушалъ никакихъ увѣщаній и шелъ къ монастырю съ намѣреніемъ убить князя-инока, приговаривая: „ни вамъ, ни намъ не кончить добромъ съ этимъ племенемъ Ольговичей“. Видя такой грозный оборотъ дѣла, Владиміръ Мстиславичъ сѣлъ на коня, хотѣлъ предупредить приходъ толпы къ монастырю и спасти Игоря Ольговича; такъ какъ пробраться сквозь густую толпу, особенно на мосту лежавшемъ на пути, не было возможности, то князь пустился въ объѣздъ мимо Глѣбова двора; но все таки онъ не успѣлъ предупредить народной толпы, которая раньше его дошла до монастыря.

Игорь Ольговичъ слышалъ шумъ толпы и понялъ сразу, что значитъ этотъ шумъ. Онъ вышелъ изъ кельи въ церковь (былъ часъ литургіи); онъ сталъ горячо молиться Богу изъ глубины

сокрушеннаго сердца; ему приходили на память терпѣніе праведнаго Іова, кончина пророковъ и апостоловъ, мучениковъ и преследованныхъ; онъ самъ готовился къ мученической смерти и произносилъ слезную отходную молитву: „Господи Боже! причти меня къ избранному твоему стаду съ десными овцами твоими! Призри на немощь мою; виждь смиреніе мое, тяжкую скорбь и печаль, меня сдерживающую, да уповаю на Тебя стерпѣлю предстоящую мнѣ муку. Благодарю Тебя, Господи, о всемъ; благодарю и за то, что Ты смирилъ мою душу. Сподоби меня перейти отъ сего суетнаго темнаго міра въ Царство Твое, ибо Ты сказалъ, Владыко: вѣруй въ Мя еще и умретъ, живъ будетъ“. Такъ молился блаженный князь, убѣждая молиться за себя и братію монастырскую (24).

Мятежники ворвались въ церковь, схватили инока — князя на молитвѣ и выведя изъ церкви, тотчасъ сорвали съ него мапію. Тогда бывший великій князь грозно сказалъ мятежникамъ: „О законопреступники и враги, отступники правды Христовой! Зачѣмъ вы пришли на меня, какъ на разбойника? Вы цѣловали мнѣ крестъ имѣть меня великимъ княземъ; но это все прошло, теперь я инокъ“. Толпа не слушала, сорвала съ князя и свитку, приговаривая: убить его, убить. Игорь болѣе крѣтко сталъ говорить: „о грѣшныя окаляные люди! Не знаете вы, что творите; и на что мнѣ одежда? Нагъ я вышелъ изъ утробы матери, нагъ и отыду“. Толпа довела Игоря Ольговича до монастырскихъ воротъ, въ эту минуту подошелъ князь Владиміръ Мстиславичъ. Игорь взглянулъ на него и вздохнувши сказалъ ему: охъ, брате! куда меня ведутъ? Тронутой до глубины души голосомъ и взоромъ несчастнаго князя, Владиміръ спрыгнулъ съ коня и покрылъ Игоря своимъ корзноу (плащемъ); онъ взялся самъ защищать его, шелъ съ нимъ рука объ руку по направленію къ двору своей матери; онъ успѣлъ на

время укротить народъ, говоря: „братія моя! не можете дѣлать зла князю Игорю, уже инокъ, не убивайте его; вы нанесете тогда вѣчный позоръ великому князю и мнѣ!“ Такимъ образомъ разговаривая съ толпой, Владиміръ довелъ Игоря Ольговича до двора своей матери; у него дорогою составилъ планъ укрыть Игоря либо во дворѣ княгини, либо снасти его въ другомъ мѣстѣ, выведя его тайнымъ путемъ, или же посади на коня (25). Но въ эту минуту толпа спохватилась, рѣшила отнять обреченную жертву, уходящую изъ ея рукъ. И вотъ въ воротахъ двора княгини Мстиславовой произошла свалка: мятежники стали отнимать Игоря, стали бить его, даже Владиміра самого; на помощь князьямъ бросился доблестный бояринъ Михаилъ: онъ соскочилъ съ коня и помогъ Владиміру увести Игоря внутрь двора, ворота которого тотчасъ были затворены; озлобленный народъ бросается на боярина, оставшагося внѣ двора, жестоко избилъ его, сорвалъ съ него золотой крестъ съ цѣпью (26). Затѣмъ разевирѣвшая толпа сломала ворота, ворвалась во дворъ; она замѣтила Игоря на сѣняхъ (27), достала его оттуда и потащила вонъ со двора: князь Владиміръ увидалъ, что онъ не въ состояніи больше защищать несчастнаго Игоря! Инокъ-князь попробовалъ спросить себѣ священника для несовѣди; толпа съ грубой бранью отказала въ просьбѣ и начала его убивать, когда князь произнесилъ послѣднюю молитву: „Владыко Господи! въ руки Твои предаю духъ мой“. Наконецъ толпа предалась дикому пенствову, привязала веревку къ ногамъ полумертваго инокъ-князя, и потащила его отъ Мстиславова двора къ Бабину торжку, потомъ къ другому княжему двору и къ мраморной церкви Богородицы; насытивъ убійствомъ и поруганіемъ тѣла блаженнаго мученика, убійцы положили его на телегу и свезли съ горы на Подоль, гдѣ бросили его среди торговща.

Это дикое злодѣйство совершилось 19 сентября 1147 года, въ пятницу. Это одиѣзъ изъ самыхъ темныхъ дней въ исторіи Кіева, столь богатой вообще свѣтлыми историческими событіями (28). Такъ погибъ Игорь Ольговичъ, невинный князь-инокъ, благородная святаѣ жертва княжескихъ распрей, да грубаго мстительнаго свечеволія кіевской черни!

VIII.

Когда гроза мстителя улеглась, разрѣшилась убійствомъ, выступили лучшіе кіевскіе люди, пожелавшіе воздать послѣднее цѣлованіе убіенному князю. „Благовѣрные челоувѣки, говоритъ кіевскій дѣтописецъ, приходяще взимаху отъ крове его и отъ прикрова, сущаго на немъ, на тѣлѣ его, на спасенію себѣ и на исцѣленію, и покрывахуть наготу тѣлесе его своимъ одежами“. Дано было знать князю Владиміру, что все кончено, что поверженное тѣло Игоря лежитъ едва прикрытое на торговищѣ; тотъ послать тысяцбаго съ приказаніемъ поднять его и честно положить въ одной изъ церквей. Но даже и теперь, у тѣла убіеннаго продолжались пререканія; тысяцкій подѣхавъ сказалъ окружающимъ: „это вы убили князя“, на что получилъ отъ нѣкоторыхъ отвѣтъ: „не мы убили его, а Ольговичъ, да Давыдовичи, да Всеволодичи“. Впрочемъ это были послѣднія и бесполезныя уже пререканія. Тѣло князя было внесено въ церковь новгородскихъ купцовъ во имя св. Архистратига Михаила (29). На другой день, въ субботу утромъ, новгородцы повѣдали митрополиту Клименту о чудесномъ знаменіи, видѣнномъ въ церкви: надъ тѣломъ мученика ночью сами собою зажглись свѣчи; митрополитъ же велѣлъ до времени разглашать чула. затѣмъ распорядился немедленнымъ въ тотъ же субботній день погребеніемъ князя — инока. По его приказанію на похороны пріѣхалъ Осеодоровскій игуменъ Ананій. Увидя бывшаго своего инока, игуменъ залился горькими слезами, приговаривая:

„о горе человѣческой суетности! Гдѣ наша любовь, гдѣ милость и миръ?“. При погребеніи явились новыя значенія (30); все были поражены ими; при кѣннѣ „вѣчной памяти“ вся церковь рыдала. Можетъ быть плакали даже убійцы вчерашніе; толпа вѣдь отходчива: сегодня убиваетъ, завтра раскаивается! Положено было тѣло Игоря Ольговича въ монастырѣ св. Симеона, въ Коныревомъ концѣ города, — въ отнемѣ и дѣдовскомъ монастырѣ покойнаго князя (31).

Великій князь Изяславъ Мстиславичъ былъ глубоко пораженъ извѣстіемъ объ убійствѣ Игоря Ольговича. Онъ искренно жалѣлъ о немъ и, конечно, тотчасъ же раскаялся за свой неполитичный шагъ, то есть за посланное сгоряча въ Кіевъ увѣдомленіе объ измѣнѣ Давыдовичей, безъ принятія напередъ мѣръ для безопасности Игоря Ольговича, для обузданія возможнаго своеволія кіевлянъ. Его безпокоила мысль, что про него будутъ думать, какъ про перваго виновника смерти Игоря; но онъ безпокоился напрасно: ни современники, ни исторія не обвиняютъ его, какъ примаго виновника въ смерти князя Игоря Ольговича; исторія можетъ обвинять его именно за неосторожное увѣдомленіе Кіева объ измѣнѣ Давыдовичей, князей черниговскихъ, за непринятіе въ ту же пору нужныхъ мѣръ для безопасности князя — инока, да еще за то, что убійцы его остались безнаказанными: это была похорошая потачка народному своеволію (32).

Княжескія усобицы продолжались. Изяславъ Мстиславичъ началъ воевать область Черниговскихъ князей, вѣроломныхъ союзниковъ; послѣдніе нашли себя вынужденными просить мира у великаго князя. „Миръ стоитъ до рати, а рать до мира“, говорили ходячую пословицу изворотливые князья Давыдовичи; не вины насъ, что мы встали на рать: вѣдь намъ было жалко брата Игоря; мы хотѣли, чтобы ты освободилъ его; но мыѣ онъ убить, Богъ взялъ его туда, гдѣ и намъ всемыѣ быть: не будемъ теперь губить

русскую землю, сдѣлаемъ миръ!“ Изяславъ Мстиславичъ, выслушавъ лицемерныя рѣчи, не отвергнувъ предложенія, и отправилъ въ Черниговъ своихъ пословъ для совершенія мирнаго договора: бѣлгородскаго епископа Θεодора, нечерскаго игумена Θεодосія и нѣсколькихъ бояръ. Въ Спасскомъ соборѣ князья Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ цѣловали в. князю крестъ на томъ, чтобы „вражду про Игоря отложить, блюсти рускую землю и быть всѣмъ за одинъ братъ“. Велѣдъ за совершеніемъ мира 1148 года Изяславъ Мстиславичъ пригласилъ князей на съѣздъ въ Городецъ Остерскій: черниговскіе князья цѣхали; но Святославъ Ольговичъ не пожелалъ видѣться съ великимъ княземъ (33).

Онъ всѣхъ тяжело чувствовалъ потерю любимаго брата Игоря, всѣхъ горче оплакивалъ его кончину. Въ 1150 году, когда въ Кіевѣ сидѣлъ уже Юрій Долгорукій, его союзникъ, онъ перенесъ изъ Кіева мощи Игоря Ольговича въ Черниговъ, въ Спасскій соборъ, гдѣ и положилъ ихъ въ особомъ теремѣ (34). Память брата-мученика была всегда для него священная и любезна; когда у него отъ второй его супруги (новгородской) родился сынъ, на пасхѣ 1151 года, то онъ далъ ему какъ разъ тѣ же имена, которыя носилъ дорогой памяти его братъ, то есть имена Игоря-Георгія: этотъ племянникъ блаженному Игорю Ольговичу, князю новгородѣверскому, есть будущій герой „Слова о полку Игоревѣ“, также новгородѣверскій князь, славный своимъ походомъ на половцевъ (35).

Церковь давно причислила князя Игоря Ольговича къ лику святыхъ угодниковъ Божіихъ, природныхъ за рускую землю молитвенниковъ (36). Слава Господу, дивному во святыхъ Его! Слава Ему, устрояющему наше святиорусское отечество! „Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!“

Примѣчанія и дополненія къ очерку.

1. Лѣтопись по Ипатскому списку, издан. Арх. Коммиссіи 1871 г. на стр. 231; 237; 242.—Лѣтопись запятой Археогр. Ком. вып. 9-й, О черниговскихъ князьяхъ по любецкому синодику, изслѣдованіе Зотова, на стр. 259. Слѣдуетъ замѣтить, что изданный г. Зотовымъ любецкій синодикъ и подробное изслѣдованіе его о памятникѣ доставляютъ важныя данныя для генеалогіи и исторіи черниговскихъ князей, особенно за время татарское и литовское; синодики черниговскіе — важный источникъ, давно обращающій на себя вниманіе ученыхъ, а теперь въ лицѣ г. Зотова имѣющій тщательнаго добросовѣстнаго изслѣдователя.

2. Лѣтоп. по Ипатск. сп. стр. 236. Въ любецкомъ синодикѣ пазывается имя «великаго князя Георгія кіевскаго, во иноцѣхъ Гавріила» Въ елецкомъ синодикѣ — «князя Георгія, убіеннаго въ Кіевѣ». (Филаретъ, Историко-статистическое опис. черниг. епархіи, кн. V, стран. 36—37). Не можемъ здѣсь согласиться съ доводами г. Зотова, будто въ любецкомъ синодикѣ нѣтъ упоминанія объ Игорѣ - Георгіѣ Ольговичѣ, и будто строка «великаго князя Георгія кіевскаго, въ иноцѣхъ Гавріила Всеволода» относится къ Всеволоду Ольговичу, в. князю кіевскому, старшему брату Игоря: (О чернигов. князьяхъ по любецк. синодику, стр. 24; 34—36). Эту строку слѣдуетъ читать раздѣльно, и тогда окажется, что въ ней упоминаются оба брата, т. е. сначала Игорь - Георгій—Гавріилъ, а рядомъ съ нимъ и Всеволодъ, оба бывшіе великими князьями кіевскими. Сравн. здѣсь ниже въ примѣч. 36-мъ выписки изъ кіевскихъ синодиковъ.

3. Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 106—107.

4. Приведенная характеристика Игоря Ольговича находится въ одной лѣтописи, вошедшей въ свѣдѣ Татищева или «Исторію Россійскую», книгу вторую, стран. 313. Славный историкъ въ своей драгоцѣнной книгѣ передаетъ ее, какъ видно, въ очень близкомъ пересказѣ, почти словами стараго лѣтописца, въ первомъ лицѣ. Замѣтимъ, что описаніе ларужности Игоря Ольговича изъ этой лѣтописи у Татищева перешло

съ малыми измѣненіями въ иконописный подлинникъ: смотр. Сводный иконописный подлинникъ XVIII вѣка въ «Вѣстникъ Общ. древнерус. искусства», па стр. 108. — И въ другихъ мѣстахъ свода Татищева есть много отзывовъ о князѣ Игорѣ Ольговичѣ стараго лѣтописца, но очень рѣзкихъ, въ томъ явнаго перасположенія къ нему: Истор. Росс. II, стр. 281; 284; 288; 312 и проч. Самъ историкъ Татищевъ, какъ видно изъ его изложенія и примѣчаній, сильно подчинился этой старой кievской лѣтописи, очень перасположенной вообще къ Ольгочичамъ; при всемъ томъ однако мы должны считаться съ исторіей Татищева, и сравнивать ся показанія время отъ времени съ кievской же лѣтописью по Ипатскому списку, по правилу: *audiatnr et altera pars*. А въ описаніи кончины Игоря Ольговича въ сводѣ Татищева есть любопытныя и достовѣрныя черты, какихъ нѣтъ въ Ипатскомъ сводѣ, этомъ вообще главнымъ источникѣ для исторіи Изяслава Мстиславича и Игоря Ольговича, равно для всѣхъ житій и сказаній о кончинѣ блаженнаго Игоря.

5. Супруга Игоря Ольговича упоминается въ Лѣтоп. по Ипат. сп. на стр. 237: «Святославъ Ольговичъ ятровъ свою, Игоревую, поя съ собою». Это было въ 1147 году, когда князь бѣжалъ, спасаясь отъ своихъ враговъ, съ семействомъ и невѣсткою, женой Игоря. — О дѣтяхъ Игоря нѣтъ положительныхъ указаній: смотр. Зотова, О черниговскихъ князьяхъ, па стр. 263. Погодинъ совсѣмъ отрицаетъ ихъ: Изслѣдованіе, VI. 75. — О бракѣ Святослава Ольговича съ половецкою княжною — Лѣтоп. по Ипат. сп. на стр. 187, подъ 1107 годомъ. Не было ли тогда только обрученіе его, или помолвка, а не собственно бракъ? Не очень ли онъ былъ тогда молодъ? О томъ же и второмъ его бракѣ въ Новгородѣ Великомъ смотр. указанія въ трудѣ Зотова на стр. 265.

На счетъ этихъ браковъ черниговскихъ князей съ половецкими княжнами любопытны сужденія Татищева, напримѣръ въ примѣчаніяхъ 393. и 414—415; историкъ приписываетъ имъ большое значеніе, объясняетъ самую нелюбовь современниковъ къ князьямъ Ольго-

вицамъ именно тѣмъ, что они женились на половчанкахъ. Есть, кажется своя доля правды въ такомъ объясненіи; но слѣдуетъ также имѣть въ виду, что съ иоловцами роднились не одна черниговскіе князья, а также кіевскіе, суздальскіе и другіе, хотя черниговскіе чаще. Главная причина нерасположенія современниковъ и лѣтописцевъ кіевскихъ къ Ольговичамъ все таки не эти брачныя связи ихъ съ половецкимъ-князьями: онѣ больше предлогъ, а не настоящая причина.

6. Битва на Нѣжатиной нивѣ (по Лаврент. списку «Нѣжатица», по Ипатск. сп. «Нежатица») происходила 1078 г. октябр. 3-го. По разсказу лѣтописи выходитъ, что эта мѣстность была близко подъ Черниговомъ, а не то чтобы на мѣстѣ города Нѣжина на р. Острѣ. Старинное названіе этого города въ той же кіевской лѣтописи есть «Упенѣжь»: впервые упоминается подъ 1147 годомъ, на ряду съ городами «Бокмачъ и Бѣлавежа». (Лѣтоп. по Ипатск. списку, 252).

7. Лѣтоп. по Ипатск. сп. 202: «Распри бывши межѣ Володимеромъ и Давыдомъ и Ольгомъ, Володымеру бо хотящу я (гробницы мучениковъ) поставити средѣ церкви, и теремъ сребренъ поставити надъ нима, а Давидъ и Олегъ хотяшета я поставити въ комару». Выписываемъ это мѣсто изъ лѣтописи, пригодное для соображенія о томъ, что такое могъ быть тотъ теремъ въ Черниговскомъ Спасскомъ соборѣ, въ которомъ были положены мощи св. Игоря въ 1150-мъ году. Сравни. вѣдѣсь ниже примѣч. 34-е.

8) О волостяхъ Игорю и Святославу отъ вел. князя дававшихся, и о желаніяхъ ихъ самихъ смотр. въ Лѣтоп. по Ипат. сп. на стран. 221—224, въ Исторіи Татищева, II. гл. XV и въ глав. XVII, стран. 291, подъ рубрикою «договоръ о чужомъ»: по Татищеву оказывается, что коренной волостью Игоря была «сѣверная» т. е. Новгородсѣверская, а Святослава — Курскъ и Путивль; область же вятичей Всеволодъ оставилъ за собой: Черниговъ—Давыдовичамъ.

9. Всеволодъ Ольговичъ колебался въ назначеніи себѣ преемника въ Кіевѣ, обѣщаль его то шурину Изяславу Мстиславичу, то брату

Игорю Ольговичу: Лѣтоп. по Ипатск. см. 226—227; 229. Татищевъ, Истор. Росс. II, 259; 269; 271; 280—281; примѣч. 339 и 400.

10. Лѣт. по Ипат. см. 229. Тіуны—управители княжескихъ имѣній и судьи, если князья давали имъ право судить. Они были лично не свободные люди. Извѣстна изстари репутація ихъ, какъ людей неправоудныхъ и мздоимныхъ; по старинной пословицѣ тіуновъ боялись, «какъ огня».

11. Тамже, стр. 230. По Татищеву и великій князь лично усмирять мятежъ, вмѣстѣ съ братомъ: Истор. Росс. II, 283. Отмѣтимъ описку или опечатку у Татищева въ выраженіи: «пародѣ пошедь ко двору Ратшину и Менкину». Въ Ипатскомъ спискѣ называются «дворъ Ратьшинъ и мечники».

12. Лѣтоп. по Ипат. см. 231. Тамъ поименно исчисляются эти бояре кіевскіе. Татищ. II. Р. II, 283; 285. О преданныхъ Игорю боярахъ Лѣтоп. по Ипат. см. 233; Татищ. II, 287.

13. Тамже, 231. Татищевъ почему-то бросаетъ тѣнь на черниговскаго епископа, Онуфрія, выражаясь, что онъ «льстилъ Игорю»: стр. 285. Объ епископѣ черниговскомъ *Онуфріѣ*, преемникѣ *Пантелеймона*, см. Лѣтоп. по Ипат. см. стр. 224; 231; 241; у Татищева, 271; 285; 301—302. Замѣтимъ здѣсь, что у того же Татищева послѣ Онуфрія упоминается, какъ епископъ черниговскій—*Евфимій* въ 1148 году: стр. 330 книги второй II. Р. Этотъ епископъ иными историками опускается (Строевъ), иными подвергается сомнѣнію (Е. Голубинскій, II. Р. II. I, 1, стр. 548), но у преосв. Филарета значится на своемъ мѣстѣ, между Онуфріемъ и *Антоніемъ* грекомъ (Ист. стат. опис. черниг. еп. I, стр. 18—19). Не видать по источникамъ, что случилось къ тому времени съ владыкою Онуфріемъ, т. е. почему въ 1148 году его уже нѣтъ въ Черниговѣ. Въ предыдущемъ году онъ былъ главой собора русскихъ епископовъ, поставившихъ въ митрополию Климента смолятича, управлялъ дѣлами митрополіи кіевской въ промежутокъ отъ Михайла II до Климента смолятича. Не видать,-- повторяемъ-- на что намекаетъ Татищевъ, говоря, что онъ «льстилъ»

Игорю великому князю. Не потерпѣлъ ли онъ за преданность ему? Не прогнѣвались ли на него мѣстные князья черниговскіе, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи? Впрочемъ можетъ быть и умереть.

14. Не можемъ согласиться съ Татищевымъ, предполагающимъ, что Игорь по неразумности или по излишней хитрости держалъ при себѣ за главныхъ совѣтниковъ Ульба, Войтышича и другихъ единомышленниковъ ихъ: И. Р. II, 285.

15. Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 230—232.

16. Тамже, стр. 232—239. Татищевъ, Ист. Р. II, стр. 287—297.

17. Первое упоминаніе лѣтописи о Москвѣ: Лѣтоп. по Ипат. си. стр. 240. Свиданіе произошло въ пятницу на 5-й недѣлѣ великаго поста, или на похвальной недѣлѣ, то есть 4 апрѣля (Пасха въ 1147 году была 20 апрѣля).

18. О блаженномъ князѣ Николѣ-Святомѣ Давыдовичѣ смотр. въ Печерскомъ патерикѣ и въ Степенной книгѣ, ч. I, страп. 235—240. Въ концѣ разсказа Степенной книги замѣчено: «велико дѣло сотвори, его же прижъ его ни единый князь въ Руси не сотвори, волею бо никтожъ приде въ чернечество, но точию при смерти». Скончался блаженный князь Никола-Святославъ 14 октября 1143 года. Его младшіе братья, Владиміръ и Изяславъ, далеко не были похожи на него по нравственному характеру. Объ отцѣ ихъ, блаженномъ Давидѣ Святославичѣ—также въ Степенной книгѣ, I, страп. 234—235.

19. Степенная книга—«Страданіе св. мученика, кіевского вел. кп. Игоря Ольговича ипока», и другія сходныя съ нимъ описанія.—Лѣтоп. по Ипатск. сп. стр. 239.—Татищевъ И. Р. II, 297. — Князь Щербатовъ, Истор. Россійская, книга V, стр. 163. Послѣдній историкъ бросаетъ тѣнь на Игоря Ольговича и на Изяслава Мстиславича, дѣлая слѣдующее разсужденіе, неизвѣстно на чемъ основанное: «Изяславъ, не имѣя тогда ничего опасаться, большаго его изъ-подъ стражи освободилъ, сказывая, что не для постриженія освобождаетъ его; однако князь Игорь, опасаясь подѣ съ дѣстїю чєю и вребнѣишаго себѣ,

повелѣлъ себя въ ипоческій чинъ постричь епископу Ефимію Переяславскому».

20. День постриженія не указывается въ Лѣтоп. по Ипатскому списку. Но онъ отмѣченъ въ Лѣтоп. по Лаврент. сп. на стран. 298, въ «Страданіи» по Степенной книгѣ, въ Милютинской Четвъ-Миней и другихъ источникахъ.

21. Описаніе вѣча 19 сентября 1147 года, живое и подробное— въ современной кievской лѣтописи т. е. въ Лѣтоп. по Ипатск. сп. стран. 245—249. Хорошо и въ Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 300—302. Сравни. Татищева II, 309—312. Присутствіе на вѣчѣ митрополита Климента должно быть было въ виду особой важности дѣла.

22. По Ипатскому списку—одинъ посолъ; по Лаврентьевскому—двое, Добрыню и Радило, по Татищеву—Добрыню и Рагуиль. Въ Степенной книгѣ также сказано: «два боярива, посланная великимъ княземъ».

23. Ипатская лѣтопись выражается: *И рече единъ человекъ*. Этотъ человекъ по имени не называемый, былъ какъ видно не простой человекъ, а вліятельный, знающій старину кievскую: событіе, воспоминаемое имъ, имѣло мѣсто въ 1068 году, назадь тому почти восемьдесятъ лѣтъ. Вѣроятно это былъ какой нибудь бояринъ, враждебный Ольговичамъ. - Въ Лѣтоп. по Лавр. сп. говорится, что въ этомъ смыслѣ говорили всѣ кievляне, а не одно лицо.

24. Мы изложили молитву блаженного князя по Ипатскому списку лѣтописи. Въ другихъ источникахъ («Страданіе» Степенной книги, Житія, лѣтопись по Никонову сп.) мы не встрѣчаемъ этой молитвы. Въ «повѣсти о убіеніи блаженного Игоря», находящейся въ рукописномъ Печерскомъ Патерикѣ XVII-го вѣка, сказано: «и павъ предъ иконою Богородичною, со слезами моляшеся избавитися таковыя трудныя смерти; и всѣмъ братіямъ припадая умильно моляше, да молятъ Бога» и т. д. Икона пресв. Богородицы, предъ которою молился св. Игорь, доселѣ сохраняется въ Великой церкви Кіевопечерской Лавры,

составляетъ одну изъ древнѣйшихъ ея святынь: свѣдѣнія объ этой иконѣ древняго византійскаго письма, шитѣ богато украшенной, можно читать въ трудѣ *Закревскаго*, описаніе Кіева (капитальномъ трудѣ, изд. Москов. Археологич. Обществомъ), на стран. 684—685. Сравнить тамъ же стран. 189—200 о Бабиномъ торжествѣ, или древнемъ Лобномъ мѣстѣ Кіева, гдѣ любопытныя разъясненія топографическія о мученичествѣ Игоря Ольговича.

25. Ист. Росс. Татищева, II, 312. Въ описаніи разговоровъ Игоря съ народною толпою мы слѣдовали лѣтописи, гдѣ они изложены иначе, чѣмъ въ исторіи Татищева.

26. О бояринѣ Михайлѣ, ипаче Мыхалѣ, по не князѣ, смотр. у Карамзина, Ист. Гос. Росс. т. II, прим. 308. Сравни. у Татищева, который называетъ его *тысяцкимъ* Владиміра Мстиславича; по, по лѣтописямъ, тысяцкимъ Владиміра былъ тогда бояринъ Рагуилъ: Ипат. стр. 247; Лавр. стр. 301; Татищев. стр. 311. Щербатовъ (Истор. Росс. V, 172) называетъ его княземъ Михайломъ, сыномъ Вячеслава, по не приводитъ основаній для своего мнѣнія. Любопытны подробности о паружныхъ украшеніяхъ, которыя носили кіевскіе бояре: крестъ, золотая цѣпь и гривна (у Татищева), если только цѣпь и гривна не значатъ одно и тоже; въ лѣтописи по Ипатскому списку сказано—«отторгоша крестъ на немъ и съ ченьми, а въ немъ гривна золота»: стран. 248. Тоже и въ лѣтоп. по Лавр. сп. 301.

27. «Володимеръ же вомча Игоря во дворъ матери своея, затвори ворота, а Игоря пусти на Кожюховы сѣни»: Лавр. 301. Такъ же называются эти сѣни въ Степеной книгѣ, въ лѣтописи по Никонову списку и другихъ источникахъ. Не видать ясно, есть ли это нарицательное имя для однихъ изъ сѣней дома княгини Мстиславовой, или же подъ нимъ разумѣется сосѣдній домъ чей нибудь, куда Владиміръ думалъ укрыть, подальше отъ мятежниковъ, князя Игоря.—Дальнѣйшія подробности объ убіеніи и поруганіи Игоря изложены, кромѣ лѣтописи, еще по житіямъ и по Татищеву, который говоритъ о священникѣ—духовникѣ ѣо грубой циничной брави убійцы: И. Р. II, 312

28. Эта точная дата -- изъ лѣтописи по Ипатьскому списку. Въ «Страданіи» Степенной книги ошибочно говорится про 9-е сентября и субботу. Житіе въ Милютинской Четвъ-Минеѣ и другія нѣкоторыя житія вовсе не ставятъ даты.

29. Какъ видно, эта церковь была ближайшею къ тому мѣсту, гдѣ былъ поверженъ убіенный князь. Церковь св. архистратига Михаила, новгородская божница, называется именно такъ въ лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 302, и въ лѣтоп. по Никонову списку, часть II, стр. 102.

30. Опѣ подробно описаны въ «Страданіи» Степ. книги, въ житіяхъ, въ лѣтописи по Никонову списку: громъ и молнія необыкновенныя, появленіе свѣтозарнаго столпа, чудесное не разъ возженіе свѣчи, благоуханіе отъ мощей.

31. Лѣтоп. по Ипатск. сп. стр. 150: «бѣ бо монастырь отца его и дѣда его Святослава». Сравни. тамже страп. 283. Въ рукописи Печерскаго патерика XVII-го вѣка также сказано, что Семеновскій монастырь былъ отца его и дѣда Святослава Ярославича, т. е. родовой монастырь черниговскихъ князей въ Кіевѣ.

32. Сравни. справедливыя о семъ предметѣ сужденія Д. И. Пловайскаго: Истор. Россіи, I, кіевскій періодъ, па стр. 225.

33. Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 256—257, подъ 1148 годомъ. Татищевъ, И. Р. II, 313—330.

34. Тамже, страп. 283, подъ 1195⁵ годомъ: «въ то же время Святославъ Ольговичъ перенесе мощи брата своего Игоря, отъ святаго Семена, изъ Конырева конца, въ Черниговъ, и положиша у святаго Спаса, въ теремѣ». Много было высказано догадокъ объ этомъ «теремѣ»: смотр. преосв. Филарета, Истор. статистич. опис. чернигов. епархіи, книг. V, стр. 32—34. Подъ нимъ понималась то башня соборная на сѣверозападномъ углу, то особая палата при соборѣ для торжественныхъ засѣданій по дѣламъ церковнаго управленія, съ особымъ придѣльнымъ храмомъ. Мы не считаемъ себя компетентными рѣшать этотъ спеціальнѣйшій вопросъ; но позволимъ себѣ принять болѣе

простое рѣшеніе его, именно въ томъ смыслѣ, что теремъ былъ навѣсъ, иначе сѣль или балдахинъ надъ мощами, какъ это прилично чествуемой святыни. сравн. выше примѣчаніе 7-е, гдѣ идетъ рѣчь о серебряномъ теремѣ надъ мощами въ Вышгородской церкви. (Сравн. въ журналѣ «Кіевская Старина» 1892 г. въ статьяхъ «По поводу 900-лѣтія Черниговской епархіи» и о «Михаилѣ II митрополитѣ кіевскомъ», въ книжкахъ за сентябрь и декабрь, мѣсяца по сему предмету, согласныя съ приведеннымъ нами).

О мѣсяцѣ и днѣ перенесенія мощей блж. Игоря въ Черниговѣ источники не говорятъ. Не знаемъ, откуда архимандритъ Леонидъ заимствовалъ дату, саму по себѣ очень вѣроятную, о днѣ сего перенесенія именно 5-го іюня. (Смотр. его книжку «Святая Русь» на стран. 32). Кстати сказать: у того же почтеннаго автора говорится о празднованіи памяти св. князя Игоря 6 августа и перенесенія мощей 5 іюня. Не видимъ, какое основаніе для празднованія памяти св. Игоря въ 6-й день августа? Точно ли это свѣдѣніе?

35. Лѣтоп. по Ипат. сп. на стр. 292: «Святославъ не дожда велика дни, по пойдѣ въ понедѣльникъ святой педѣль, а по вторникъ родися у него сынъ, и нарекоша имя ему во святомъ крещеніи *Георгій*, а мірскими *Игорь*».

36. Одинъ проповѣдникъ, кажется близкій современникъ жизни Игоря Ольговича, въ одномъ словѣ такъ говорить: «съ вами же т. е. Антоніемъ и Феодосіемъ, честно ублажаемъ князя Игоря, приѣмша честно мученіе, принесшаго жертву чисту Богу. Аще бо укаряюще кіане възложивша на нь честный черпорицьскій образъ, и въ томъ вѣспрія нетлѣнный вѣнецъ, по беззукорныя славы сподобиша ѐ, себѣ же муки вѣчныя». (Опис. рукописей Румянцев. музея, *Востокова*, на стран. 611, изъ сборника поучительныхъ словъ XV-го вѣка).

О времени прославленія блаженнаго Игоря смотр. замѣчанія преосв. *Макарія*, Истор. русск. церкви, т. III, стран. 77 и соотв. примѣчаніе, — и у преосв. *Сергія*, Полный мѣсяцесловъ Востока, II, стран. 148—149; сравн. тамже I, прилож. 15, стран. 195.

Житія и сказанія объ Игорѣ Ольговичѣ суть слѣдующія.

Главный источникъ для нихъ—современная кіевская лѣтопись, изложенная въ томъ мѣстѣ, гдѣ описывается кончина Игоря, тономъ «сказанія»: лѣтоп. по Ипатск. сп. на стр. 247—250. На стр. 248-й можно замѣтить однако признаки не первой редакціи, а переработанной или сокращенной, такъ что изложеніе становится не очень складно. Въ лѣтописяхъ послѣдующаго времени рассказъ кіевской лѣтописи по Ипатск. списку повторяется съ нѣкоторыми, конечно, варьяціями, съ сокращеніями или прибавками. Обрязки того мы уже видѣли въ сводѣ Татищева, въ книгѣ II, гдѣ кромѣ того особая лѣтопись съ новымъ содержаніемъ; полезно также справляться со сводомъ *Арицышева*, Повѣствованіе о Россіи, т. I, стр. 98; 104 -- 106.

Въ Степенной книгѣ (ч. I, стр. 265—269) находится хорошо изложенное «*Страданіе* св. мученика кіевского великаго князя Игоря Ольговича мученика». Почти дословно по нему, и по типу именно «страданій» изложено житіе Игоря въ Четвѣй Миней Германа Тулузова, въ рукописи Троиц. Серг. Лавры подъ № 694; въ январской книгѣ Четвѣхъ Миней Милюткина подъ 5 числомъ, въ рукописи Моск. Синод. библіотеки; въ сборникѣ житій, рукописи поморской, въ Порѣцкомъ музеѣ графа Уварова подъ № 911, а по прежн. каталогу Царскаго № 136.

Особое изложеніе находимъ въ рукописномъ кіевопечерскомъ Патерикѣ XVII-го вѣка (рукоп. Троиц. Серг. Лавр. подъ № 714-мъ), подъ заглавіемъ «*Повѣсть* о убіеніи блаженнаго и великаго князя Игоря Ольговича». Изложеніе въ существенномъ также по кіевской лѣтописи; на концѣ читаемъ: «по семъ въ лѣто 6657 Святославъ пренесе мощи брата своего Игоря изъ Кіева съ великою честію отъ св. Симеона монастыря въ въ теремъ съ великою жалостію, и почитаху людие всѣ аки мученическая мощи, и покланяхуся имъ, славяще и благодаряще Бога» и проч.

О другихъ рукописныхъ и печатныхъ житіяхъ св. Игоря и источникахъ для его жизнеописанія справ. въ трудѣ преосв. *Сергія*, пол-

ный мѣсяцесловъ Востока, въ указанномъ прежде мѣстѣ. (Не знаемъ, что содержится въ указанныхъ у автора «Софійскихъ Минеяхъ» XIII вѣка подъ 11 іюля: житіе ли, или служба св. Игорю). Сравни также у г. Барсукова, Источники русской агиографіи, на стран. 211—215.

Изъ новыхъ пересказовъ житій блаж. Игоря лучшіе: въ Четвѣхъ Минеяхъ св. *Димитрія* ростовскаго подъ 5 іюня и въ книгѣ преосв. *Филарета* черниговскаго, Русскіе святые чтимые всею Церковію или мѣстно, также подъ 5 іюня.

Въ заключеніе этихъ длинныхъ примѣчавій (да проститъ насъ благосклонный читатель за эту длиноту) еще нѣсколько словъ о монашескихъ именахъ Игоря Ольговича. Въ одномъ синодикѣ Кіево-печерской Лавры между черниговскими князьями—схимниками называется «Игорь убіенный» т. е. подъ мірскимъ его именемъ (Опис. рукопис. Румянц. муз. стр. 379); а въ синодикѣ Кіево-Николаевскаго монастыря межъ черниговскими князьями—схимниками нѣтъ Игоря, но есть имя князя—схимонаха *Игнатія*, на ряду съ княземъ Николю—святошей, Саввою, Филиппомъ и другими. (Тамже, 578). Не есть ли имя Игнатія схимонашеское имя Игоря Ольговича? Такъ склоненъ предполагать и г. Зотовъ, О черниговск. князьяхъ по любецкому синодику, на стран. 264. Тогда имена блаженнаго князя были бы слѣдующія: Игорь (мірское), Георгій (крещеное), Гавріиль (монашеское), а Игнатій (схимонашеское).

